

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

9

1962

СМЕНА

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

Выпущена 18-й раз в день, 10 марта 1962 года. Цена 1 коп.

ТО, ЧТО НАМЕЧАЕТ ПАРТИЯ, БУДЕТ ПРЕТВОРЕНО В ЖИЗНИ!

Пленум ЦК КПСС вдохновляет советских людей на завоевание побед в сельском хозяйстве

ИНФОРМАЦИОНН О Пленуме ЦК Коммунистиче

9 марта 1962 года на пленуме ЦК КПСС, И. С. Хрущев и др. обсудили вопросы сельского хозяйства, промышленности, культуры, науки, образования, здравоохранения, спорта, искусства, а также вопросы внешней политики, международных отношений, обороны страны.

ВО

Вчера вышло в свет второе издание книги «Пленум ЦК КПСС», подготовленной редакцией «Правды» под редакцией И. С. Хрущева. Книга рассказывает о работе пленума ЦК КПСС, о решении важнейших вопросов партии и страны. Книга является важным документом для всех коммунистов и советских граждан.

Эти задачи нам по плечу!

Глобные задачи, поставленные перед нами партией, мы выполним. Мы знаем, что нам по плечу. Мы будем бороться за достижение поставленных целей. Мы уверены в победе.

Глобные задачи нам по плечу!

Мы знаем, что нам по плечу. Мы будем бороться за достижение поставленных целей. Мы уверены в победе. Мы выполним все задачи, поставленные перед нами партией.

НЕИСПЕЧАЕМЫ

Мы знаем, что нам по плечу. Мы будем бороться за достижение поставленных целей. Мы уверены в победе. Мы выполним все задачи, поставленные перед нами партией.

ТСЯ К ВЫБОРАМ

Мы знаем, что нам по плечу. Мы будем бороться за достижение поставленных целей. Мы уверены в победе. Мы выполним все задачи, поставленные перед нами партией.

ВЫСОКИЕ НАРАДЫ

Вчера вышло в свет второе издание книги «Пленум ЦК КПСС», подготовленной редакцией «Правды» под редакцией И. С. Хрущева. Книга рассказывает о работе пленума ЦК КПСС, о решении важнейших вопросов партии и страны.

РЕАЛЬНЫЕ ДАНЫ ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ

Отклики на Пленум ЦК КПСС

В ДУХЕ ЛЕНИНИЗМА СМЕЛЫЙ ПОДХОД. Мы знаем, что нам по плечу. Мы будем бороться за достижение поставленных целей. Мы уверены в победе. Мы выполним все задачи, поставленные перед нами партией.

Его Преемственность И. С. ХРУЩЕВУ

Принимая и выполняя волю партии, мы будем бороться за достижение поставленных целей. Мы уверены в победе. Мы выполним все задачи, поставленные перед нами партией.

Центральному Комитету Коммунистической партии Чеchoslovakской Республики

Принимая и выполняя волю партии, мы будем бороться за достижение поставленных целей. Мы уверены в победе. Мы выполним все задачи, поставленные перед нами партией.

ВЕЛИКОЙ ПРАВДЕ» — 5 ЛЕТ

ЗАПАРТИЕЙ- СЮДУ, ВСЕГДА ВО ВСЕМ!

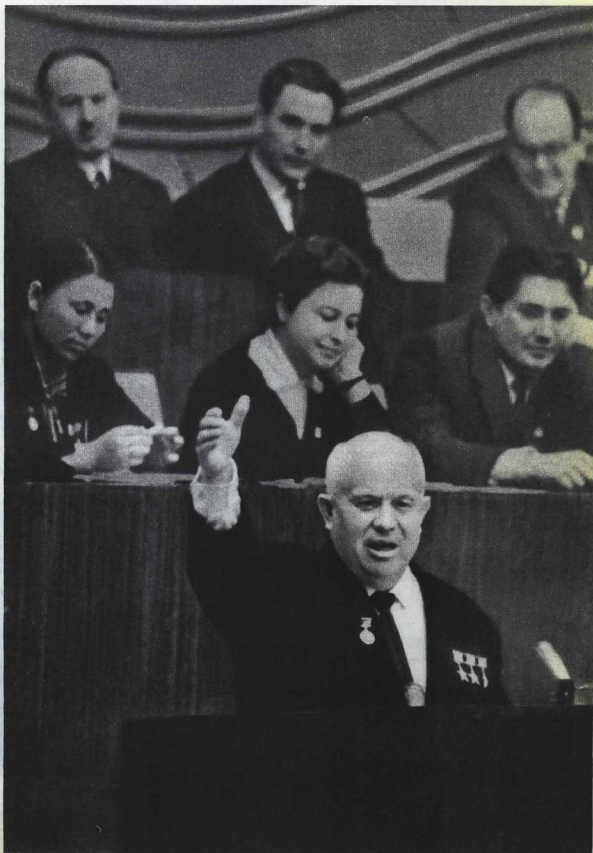
Э то наверняка запомнится на всю жизнь! И азов знамя комсомола, плывущее по залу Кремлевского Дворца съездов, и шесть тысяч человек, в громкие аплодисменты вставших настремку ему, главному комсомольскому знамени, под которым штурмуют необжитые земли, возводят новые города, поворачивают вспять реки девятнадцать миллионов юных создателей коммунизма.

Три человека несут это знамя. Молодой рабочий. Крестьянка. Космонавт. Лучшее из лучших! На древке алго стая лават мужественные руки человека, который год назад так же уверенно сжимал штурвал первого в мире звездного корабля «Восток-1». Рядом с Юрием Гагариным хлопкороб Турсуной Ахунова и шахтер Кузьма Северинов. У всех троих на груди сверкают звезды Героев. Они получены за славные, героические подвиги на земле, под землей и в космосе. И зал грохочет овацией, зал рукоплещет знамени, рукоплещет трем героям. Всех их роднит сложность судеб, целеустремленность помыслов, готовность принести свой талант, знания и силы в дар Родине.

Перед ними небольшие анкеты, заполненные делегатами. Вот один из вопросов: «Выполняемая в настоящее время работа». Тысячи ответов, сотни профессий: прозаик и руководитель кибернетической лаборатории, баларина и доктор, председатель колхоза и машинист башенного крана, токарь и чабан, полярик и виноградарь. Нет у нас такой профессии, которой бы не освоил комсомолец. Но есть у него одна главная профессия. Она объединяет всю молодость нашей страны. Имя этой профессии — строитель коммунизма. Строительством коммунизма — это и есть сейчас главная работа, «выполняемая в настоящее время» комсомолом.

«Пять дней продолжалась работа съезда. И каждый из них был незабываем, полон непередаваемого подъема, энтузиазма, деловитости и в то же время искрометного веселья, песен. Но самый памятный, самый большой день — это тот, когда, встреченный громовой овацией, на трибуну поднялся Никита Сергеевич Хрущев. Какой отеческой заботой о подрастающем поколении строителей коммунизма было пронизано каждое слово главы нашего государства! Какую ясную программу жизни дал Н. С. Хрущев каждому комсомольцу, каждому молодому человеку Страны Советов!

«Наша советская действительность

дает каждому юноше и девушке огромные возможности для того, чтобы полностью проявить свои способности, прожить хорошую жизнь на благо своего народа», — сказал Никита Сергеевич.

Но что значит беззаветно служить Родине, великому делу партии, делу коммунизма?

«Служение Родине и коммунизму», — говорит товарищ Хрущев, — означает хорошо и неустанно учиться, самоотверженно трудиться, используя весь опыт товарищей по цеху, заводу, колхозу, совхозу, черпая все новые и новые знания из достижений науки и техники. Именно в юные годы надо прочно стать на ноги, определиться так, чтобы прожить жизнь, как говорил прекрасный писатель Николай Островский, не стыдясь потом за бесцельно прожитые годы.

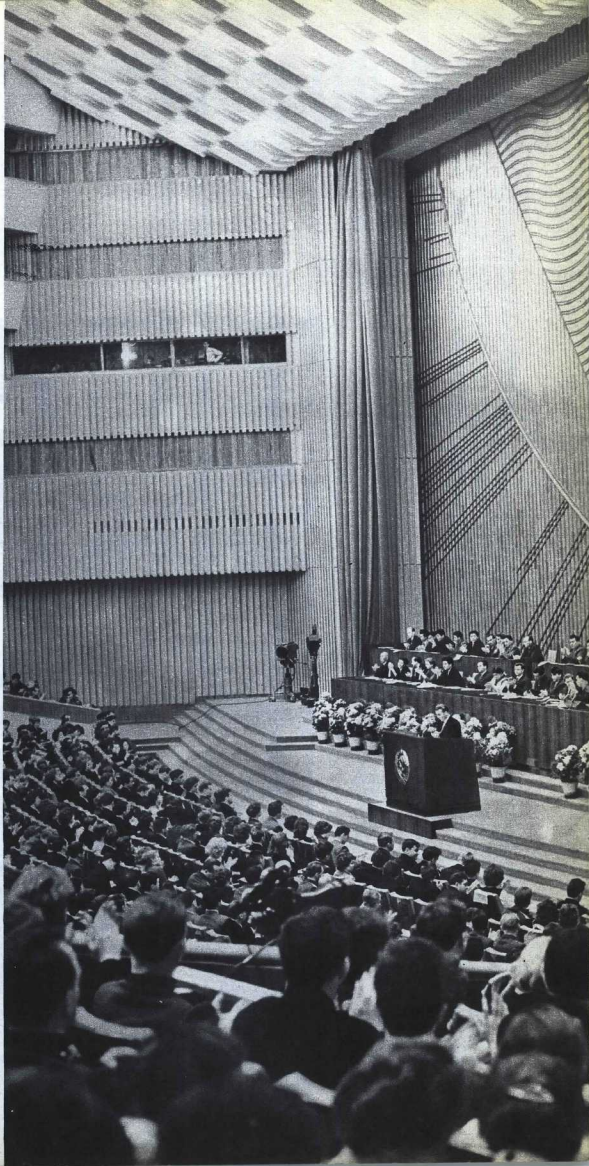
Это значит, что наша комсомольская молодежь должна и впредь честно трудиться на благо Родины, смело мечтать и смело дерзать, работать умно, экономно, производительно, работать так, как требует этого замечательное время, в какое мы живем».

И Ленинский комсомол на своем XIV съезде дал клепту родной Коммунистической партии, что молодежь не покажет сил для скорейшего претворения в жизнь грандиозных планов коммунистического строительства, намеченных Программой КПСС.

Пять дней звучал в Кремлевском Дворце съездов взволнованный голос нашей юности, наших молодых современников. Трудно даже просто перечислить все темы, которые поднимали в своих выступлениях делегаты. Скорейший ввод в строй важнейших объектов семилетки и воспитания школьников, борьба за высокий урожай и вопросы, связанные с дальнейшим развитием технического прогресса, проблемы литературы и задачи строительства... И в каждом выступлении — слова о том, с каким воодушевлением трудятся юноши и девушки над выполнением задач, выдвинутых XXII съездом партии, учатся жить и работать по Ильичу, по коммунистически.

В новом Уставе ВЛКСМ, принятом съездом, особо подчеркнуто, что каждый комсомолец, каждый молодой человек во всей своей жизни должен соблюдать нравственные принципы, изложенные в Программе КПСС — в моральном кодексе строителя коммунизма. Ведь именно к этому призвал комсомол Центральный Комитет партии в своем приветствии съезду. Именно об этом просто и по-отчески говорил на съезде Никита Сергеевич Хрущев.

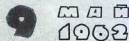
И делегаты заверили родную партию, что комсомол отдаст все свои силы,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

Год издания тридцать девятый.

энергию и знания претворению в жизнь величественной программой коммунистического строительства, сделает все, чтобы ускорить создание в стране материально-технической базы коммунизма.

Сегодня, когда посланцы девятнадцатимиллионной комсомолки вернулись домой, стали за штурвалы комбайнов, спустились в шахры, склонились над чертежами, мы знаем: воплощаются в жизнь решения съезда. Юность страны говорит:

— За партией всюду, всегда и во всем!

Г. ЛЬВОВ.

Фото Г. ДУВИНСКОГО, В. ЕГОРОВА
и В. СОВОЛЕВА.

ПРАВДА

НАША "ПРАВДА"

Над крышами домов и в пролетах лесных домов в районе Белорусского вокзала высятся здания из железобетона и стекла, на вершине которого электричеством выложено слово «Правда». По железнодорожным путям паровозы подают в корпус этого здания шпалы с бумагой, а изнутри сотни грузовиков развозят бесчисленные пакеты газет, в которые превратились бумажные рулоны.

Но каждый лист, раскрывая пахнущий типографской краской номер газеты, ясно представляет себе, сколько усилий, сколько таланта, вдохновения и настойчивости вложили тысячи людей в только что выпущенный номер «Правды»?

День и ночь в комбинате «Правда» неистово стучат телефоны, пишущие машинки и литогины. В их пулеметном треске как бы слышишь: «Скорее! Как можно скорее!»

И вечер скорости проносится по всем этажам. Прадисты знают, что с рассветом миллионы рук потянутся к почтовым ящикам, висющим на дверях, и люксограм. Свежий номер «Правды» должен получить в ранний час и рабочий, идущий на смену, и ученый, поглощенный новым экспериментом, и колхозник, спешащий на ферму или в поле, и студент, собирающий в портфель свои конспекты. Газету получают не только москвичи, но и уральцы, и сибиряки, и дальневосточники, и ленинградцы, и киевляне, и бакинцы.

В любую погоду — в снег, в дождь, в туман — с трех московских аэродромов устремляются самолеты-газетосыны. В их кабинках самый легкий и в то же время самый тяжелый груз — газетные матрицы. Сама кабульная матрица, в сущности, почти ничего не весит. Но этот своеобразный слепок с газеты, ее оттиск, ветага, с которого можно печатать «Правду» в любом количестве, позволяет получить многие тонны экземпляров газеты.

Майский рассвет золотит крылья реактивных лайнеров, летящих на восток, на юг и север. А там, в далеких городах, уже ждут прибытия матриц. Прямо из аэропортов их везут в типогра-

фии, и вскоре запевают свою веселую песню ротационки, и потоки газет устремляются по конвейерам. «Правда» вышла в Новосибирске! «Правда» вышла в Хабаровске! «Правда» вышла в Ташкенте!

Ныне «Правду» читает весь мир. А полвека назад...

Пятьдесят лет назад, ночью 5 мая (22 апреля) 1912 года, в Петербурге, на Ивановской (ныне Социалистической) улице, у дома № 14, перед типографией, собралась рабоче с заводо, ожидая выхода первого номера «Правды». К десяти часам утра было отпечатано 60 тысяч экземпляров газеты. В цехах заводов и фабрик, на пристанях, в порту, в матушкиных рабочих с жадностью читали свою газету, от каждой строки которой так и веяло силой, революционным порывом.

Сейчас у старой типографии, где родился «Правда», с утра до ночи толпятся экскурсанты — и ленинградцы, и гости города-героя, — все они хотят увидеть место, где родилась самая правдивая, самая честная, самая боевая газета рабочего класса.

Как учащенно бьется сердце, когда ходишь по старой типографии и думаешь о большом пути, пройденном «Правдой» за полвека борьбы и труда во имя коммунизма! Но еще большее волнение охватывает душу, когда видишь старые номера «Правды». Мне привелось перелистать комплекты «Правды» с самого первого номера до наших дней. Перед глазами открылась поразительная картина ожившей истории партии, величественная панорама ее борьбы, борьбы рабочего класса за коммунизм!

Вот «Правда» тех лет, когда по стране прокатывалось злобное эхо ленинского расстрела. Я вижу, как меняется название «Правды»: газету запретило царское правительство, но она вновь возникла под другими названиями. Меняются страницы газеты. Вот уже рухнуло под ударами рабочих, солдат, крестьян самодержавие, идет гражданская война. Все отображено на страницах «Правды», всюду оуплещется ее влияние, ее вмешательство в исторические события и явления.

Ежедневно главный редактор Павел Алексеевич Сатионов спускается в типографию, чтобы проследить за выпуском номера (снимок слева).

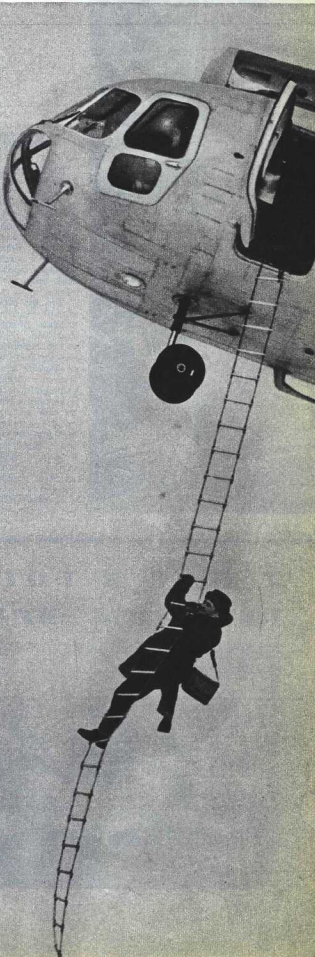
Сюда становятся новости всего мира... Международный отдел «Правды» за работой. Слева направо: спецкорреспондент «Правды» А. И. Гученко, корреспондент в Скандинавии Ю. Ф. Кузнецов, редактор отдела американских стран Н. Литовченко, заместитель главного редактора И. И. Иноземцев, редактор отдела социалистических стран А. И. Луковец, обозреватель С. Н. Вишневский, корреспондент в странах Центральной Африки Г. А. Колесниченко.

Евгений РЯБЧКОВ

Фото Г. ДУБИНСКОГО.

Вызывает там! Для современной доставки материала в номер корреспонденту «Правды» Константину Распину пришлось прибегнуть к помощи вертолета.

Непрерывно работают
линограммы, набирая мате-
риалы в номер...

Спешным потоком идут
экземпляры «Правды»...

Первая электрическая станция в подмосковной деревне Кашино. Волжская ГЭС. Первая колхозная борода. Стройки на Урале и в Сибири. Начался эпоха индустриализации и коллективизации — эпоха преобразования страны. Борьба с хулаками. Борьба с предателями. Борьба с бандами врагов, вставших со всех сторон к советским границам...

Что ни страница, то новое в жизни страны, новое в истории партии. Донос до самых широких масс мудрое слово партии, умело мобилизуя массы, «Правда» на всех этапах была в центре борьбы за социализм, за коммунизм. Армия воспитанных и выращенных «Правдой» рабочих и сельских корреспондентов стала той могучей силой, которая помогает партии передавать опыт передовиков производства, воспринимать недостатки, бороться с трудностями, развивать инициативу кооператоров, восхвалять народ великими победями на строительных лесах коммунизма.

Сегодня «Правда» — светоч народов всего мира. Мощное бизе-

ние ее огненного сердца ощущается в газетах революционной Кубы, во французской «Юманите», в итальянской «Униче», в английской «Дейли уоркер», во всех изданиях коммунистических и рабочих партий капиталистических стран, где, как в свое время в старой России, преследуют, запрещают, громят самые правдивые, самые честные рабочие газеты — газеты борцов за мир, дружбу, равенство, братство, свободу и счастье всех людей.

В праздничные для «Правды» и для всей советской и мировой демократической печати дни с особой остротой ощущается роль центрального органа партии в жизни страны и братских стран социалистического лагеря, в жизни каждого из нас. Потокни пишем в редакцию — это потоки народной любви к «Правде» за ее правдивость, за верность коммунистическим идеалам, за ленинскую принципиальность в борьбе, за помощь, которую оказывает «Правда» тысячам и тысячам людей, заводским коллективам, школам, художникам и писателям, энтузиастам комсомольской ра-

боты и пионерам, только что делавшим первые шаги в жизни.

«Правда» помогла мне, я считаю себя правдивой», — говорит Валентина Гаганова.

— Я счастлива, что стал перелом в мире космонавтов и в своем авиационном рейсе был корреспондентом родной «Правды» в космосе, — говорит Юрий Гагарин.

— «Правда» помогла мне стать авиационным конструктором, — говорит ныне прославленный генеральный конструктор авиационной промышленности Александр Яковлев.

Я сердечно благодарю «Правду» за то, что она помогла мне, начинающему скульптору, поступить учиться и найти свой творческий путь, — говорит советский скульптор, лауреат Ленинской премии Л. Е. Кербель.

Сколько таких писем! Сколько выражений сердечных чувств в самых различных формах: в картинках, скульптурах, в сложных творческих слесарь-умельцев, в рисунках пионеров и школьников, в рукописях старушек. Разве перечтешь все то, что присылает в «Правду» люди, же-

У НАС В ГОСТЯХ ВETERАНЫ «ПРАВДЫ»

На редакционных столах — пожелтение от времени экземпляры «Правды», каждый из которых — дорожка счастливой жизни. Им пятьдесят лет. Их принесли и нам, и «Свету», те, кто описал первые заметки, кто распространил первые номера газеты.

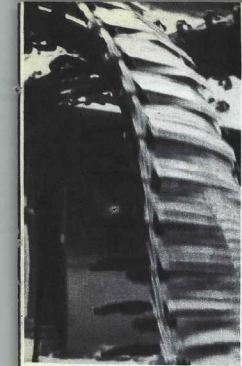
Оригиналы их сейчас в «Свете». Александр Александрович Антонов, Александр Иванович Балагуров, Николай Петрович Богданов, Борис Иванович Иванов, Николай Иванович Ионов, Михаил Николаевич Юновичин, Иван Ефимович Куркин, Дмитрий Яковлевич Одищев, Михаил Григорьевич Рощалин, Александр Федорович Сейфер, Владимир Викентьевич Трещковский. Все они вступили в партию большевиков еще до революции. Их общий партийный стаж — пять вышек! И когда выходили первые номера «Правды», они были, может, чуть-чуть постарше тебе, наш читатель.

Один за другим выступают убежденные сдвинувшие первые работники нашей «Правды», и из их живых рассказов мы узнаем много интересного из довоенной истории правдинской биографии. Легальность «Правды» и ее работа от преследований царской охранки. С мая 1912 по июль 1914 года газета закрывалась восемь раз. Из 536 номеров 190 подверглись репрессиям. 152 номера были конфискованы. Редакторы «Правды» отси-

дели в тюрьмах в общей сложности 472 месяца.

Но никакие преследования царских приспешников не могли приглушить голос большевистской газеты, голос, которому прислушивались пролетарские массы, который стал сигналом к борьбе за светлое будущее. По рассказам работников мы зримо представляем, как они, оживленные, набравшие в типографии очередную статью, прискакали в редакцию из газетных цехов, как Яков Михайлович Свердлов редактировал материалы, исправленные пометки писемателей и народников, как после тяжелого трудового дня собирались в редакции рабочие поэты. В то время газета очень часто публиковала истинно творческие корреспонденции, 800 публикаций за два с половиной года.

Старейшие работники рассказали нам о страстном энтузиазме большевиков, о готовности их, несмотря на разлуку рязанцев, свято верить в партию Ленина, о готовности их, не шадя ни сил, ни жизни, довести до победы дело освобождения трудового народа. И, забывавшие атмосферой, в которую перенесли их гости, забывавшие о том, как лучше говорить и продолжать слабые стороны правдинцев, они научились так же, как они, эволюционно и горючо господствовали над собой, как строителям коммунизма.

статьи рабкорского рейда — внимательно прочитывается и изучается в редакции. Правдисты вскопашно работают над всеми материалами, которые поступают в редакцию, помогают рабкорам и сельским корреспондентам, обрабатывают за статьями к видным ученым и общественным деятелям.

Все, что идет в набор, в типографию, должно быть тщательно выверено, должно быть правдиво, покаяно.

Но вот рукописи вкладываются в патрон пневматической почты. Открывается лючок пневматички — слышно, как ревет и гудит сжатый воздух. Патрон, похожий на снаряд, ставит в приемную станцию. Закрывается лючок — гул и рев улетают. С огромной быстротой пролетают по бронзовым трубам пневматической почты посланные «снаряды» и прибывают к цели — в наборный цех, и диктографист. Его пальцы уверенные пальцы набирают статью строку за строкой. Потребуется еще много операций, прежде чем газета станет такой, какой мы привыкли ее видеть. Чтобы рассказать обо всем, связанном с выпуском очередного номера «Правды», о многоцелевом коллективе людей, самоотверженно работающих над ее созданием, нужно писать целую книгу. И мы уверены, такая книга будет написана.

Хочется привести несколько цифр: в день выхода первого номера «Правды» в 1912 году в Петербурге было выпущено 60 тысяч экземпляров, в 1917 году ее ежедневный тираж составлял 200 тысяч экземпляров, в 1931 году — свыше 1 миллиона, в 1940 году — 2 миллиона, а сейчас «Правда» печатается тиражом свыше 6 миллионов экземпляров.

«Ленинской газете пятьдесят лет. Полвека борьбы, полвека верного служения рабочему классу, идеям коммунизма, светлому будущему всего трудового человечества.

Все эти пятьдесят лет «Правда» была газетой для рабочих и газетой самих рабочих. Она неслышно и неслышно мудрое слово партии, помогает партии формировать нового человека, создавать материально-техническую базу коммунизма. Постояно юбилей «Правды» и стал общепартийным праздником, когда каждый из нас снова и снова выражает свою любовь партии, свою верность партии, свою готовность отдать все силы возведению светлого здания коммунизма.

Вот так

Юрий АБДУШЕВ

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА и А. БАВАНОВСКОГО.

РАССКАЗ

Как только Нина скользнула в море, перед ней открылся совершенно новый, неведомый мир. Создавалось впечатление, будто за толстым стеклом маски нет никакой воды: так отчетливо был виден вину каждый камешек, каждая травинка. Только на большом расстоянии очертания да постепенно топили в голубоватой таинственной мгле. Между обкатанными голышами снова-таки прыгали морские собачки и лениво шевелили хвостами голышастые бычки...

Спустилась полчасика девушка уже грелась на берегу и наблюдала за Игорем. Нина видела, как он ежешинутно ныряет, а потом, лежа на поверхности, вытягивает со дна струну за струной гарпун-линя. Наконец к полудню ему удалось подстрелить какую-то корючьевую рыбу, исцесеченную белыми поперечными полосами.

— Кор-р-рш ох-к-куней! — выщелывал зубами Игорь, растравившись на горькой гальке. — На поклюну бует...

Нина понимала, что поблещи на берегу охоту едва потянет триста граммов, что Игорь все еще находится во власти подводного оптического обмана, но тем не менее она решила не ущемлять его мужского самолюбия и поспешно отвела:

— Да уж, во всяком случае, не меньше.

Нина любила этого человека. Любила его чуть синкохотливую улыбку и синие, с электрической искрой глаза. Ей было хорошо и немного тревожно с ним. Она знала: Игорь твердо стоит на земле. В жизни все удавалось ему. Он был самолюбив и настойчив. В аспирантуре экономического института, где он учился, профессора поручили ему блестящее будущее. Через месяц Нина должна была стать его женой... Так решено.

— Вдоль берега брели две пары. По всему было видно, что они местные. У одного в руках была самодельная острога, другой нес кулик с десятком уже уснувших ершей.

— Что это за рыба в ас! — оклинула их Нина, когда они поравнялись с ней.

— Скоурены, морские ерши! — пояснил чернык, как негрисот, мальчуган с большой приплюснутой головой. Он выглядел младше своего спутника. — Витька их вон на прут накальвает. Ничего, на уж содётся...

Говоря это, он невольно топтался босыми ногами на расклеванной гальке. Потом, подумав немного, спросил:

— А вы, тетенька, может, плылуу у вас купите? — Он полез в карман и вытасил две витьки шимшеватые ракушки величиной с небольшой луковичкой. Снаружи они были покрыты ячестым известковым налетом, но зато внутренняя сторона сияла теплой оранжевой лазурью. — Мы недорого, — смущенно проговорила он, — по гривеннику за штуку. Такая уж им цена.

— Сами достаете? — спросила Нина, с интересом рассматривая ракушку.

Парничка с острой подтянул открытие до колен штаны.

— А то что жей! — не без вызова открыл он.

Игорь лениво приподнял голову.

— Крупные попадаются! — Светлые, слышится от воды ресницы почти полностью прикрывали его глаза.

— Есть величиной с блюдце. Во-о! — И парничка показал руками. — Да откуда их не возмешь. Там метров падавать глубины будет, может, и больше, а у берега все крупных давно вылавливали.

— Жаль, — сказала Нина, доставая из кошелека светлую монетку.

— Вы не думайте, — как бы оправдываясь, сказал голышастый, — за этими тоже нырять приходится, будь здоров! Бывает и кровь с носу пойдет и воды нахлебается. А больше — это только Пашка может.

— Величиной с блюдце? — насмешливо спросил Игорь.

— Не-е, с блюдце и он не достает, — не заметив irony, серьезно ответил старший. — Такую только с акаваленом можно взять. — И, ловко покрутив блестящую монету, пошел своей дорогой.

— А что это у вас за Пашка такой? — спросила Нина у младшего парничка, который уже готов был последовать за своим товарищем.

— Вы что, Пашку не знаете? — искренне удивился пацан. — Пашка с Лысых сид.

Точное объяснение, видимо, показалось ему исчерпывающим. Для великости он постоял еще немного, разглядывая убитую рыбу.

Матрицы беремно уплываю в мешки. Через несколько часов, перебранных самолетом, они дадут сотни тысяч свежих номеров «Правды» митингам Владивостока, Хабаровска, Ташкента...

— А на что вам кукушка! — спросил он, ковырнув ногой скромный трофей Игоря. — Это только кошки и др...

...Проходили дни, но охота не приносила Игоря удачи. Рыба здесь держалась настороженно. На его счету была лишь пара маленьких карасиков да штук восемь незначительных золушек. Все это было недостаточно хорошего охотника. Однако и у других тоже шла не лучше.

За все время только двум скамчатникам удалось подстрелить по кефали. На берегу это вызвало настоящую сенсацию. О Пашке с Лысьм скал среди охотников ходила легенда. Говорили, что он самый удачливый охотник на всех берегах этого удивительного озера.

— Расгуляли все рыбу, подстрелили кефаль, поехали к Нине, сказал Игорь. — Надо скорей куда-нибудь подальше. Как ты?

— Хоть завтра, — с готовностью ответила она.

Их второй же день они отправились в путь по берегу моря. Они уже отбили пятый час пути, когда перед ними возникла небольшая бухточка, полуокруженная скалистыми берегами. На отсыпях утесах каким-то чудом умудрялись расти карликовые разлазистые сосны. Их обжиганные коры узловатыми пятами свисали сверху.

В горловине устья, под голой скалой, одиноко стоял столбчатый баранчик подобно выветренному пятачку на берегу болота и развешенные на колыя сети, из которых двое рыбаков выбирали морскую траву.

Теперь Игорь и Нина шли по пригнувшему ковру подсыхающих водорослей. Здесь остро пахло морем. При каждом шаге маленькие волны бились о камни и слышались в скалистой бухте.

Неожиданно внимание Игоря привлек знакомый шум, доносившийся со стороны моря. Прямо к ним, быстро работая ластами, плыл человек.

По собственному опыту Игорь знал, что так может вести себя только охотник, у которого нет стрел и снарядов, когда ему случается не бороться шуметь. Им владеет одно желание — быстрее добраться до берега. Пловец проходил уже по мелководью, все еще не поднимая головы. Когда его маска тонула в прибрежном гальке, он выбросил из воды руку, в которой была зажата обструганная палка. На конце ее было кружало, а в центре — выемка, которая, вращаясь, излучала шум.

Только после этого человек сел в воду и медленно ступил с лица маску. Теперь Нина и Игорь увидели, что перед ними всего лишь маленький рыбак с длинными волосами, обсыпанными от утюго-говетки, толстыми губами, не шутками отчеканенными черными тенями кура — несомненным след от резиновой обуви. Кожа в этом месте почернела и слегка шелушилась.

— Как называется это местечко? — спросила Нина у мальчишки.

— Стая разведчиков, — ответил тот. — Пашка скалы.

— О, так, значит, здесь живет Пашка, о котором нам говорили в поселке! — обрадованно воскликнула Нина. — Ты знаешь его?

— Пашка здесь один — это я.

— Ты! — тоном сомнения и даже некоторого разочарования спросил Игорь.

Оставя под водой ласты и маску, мальчишка вышел на берег, подобрал выброшенную им палку и стирнул с нее сарис. На конце палки была проволочкой прикреплена ржавая вилка с тремя разведенными зубьями.

Их давно хотела встретиться с тобой, — сказал Игорь. — Так сказать, в порядке обмена опытом.

Нина, слегка путаясь, стала объяснять Пашке, что они хотели бы просто поучиться у него. Странно, но перед этим мальчишкой она чувствовала себя как-то неловко. Будто они пришли сюда выведать у него тайну, о которой его, А Пашка внимательно слушал ее и вдруг неожиданно улыбнулся, обняв их крепкими и, как у большинства подростков, редкие зубы.

— Показать — это можно, — охотно согласился он. — Вся пока готовится, а в толь десятке ершей вылету. Тетка Матрена прислала. Для него это первая ерш.

Пашка вошел в воду и проворно натянул ласты. Нина заметила, что это очень старые ласты, ступни под шиколокатыми желтыми шкурками от ботинок. Дыхательная трубка сделана из жесткого резинового шланга, и только выдавая дышку круглая маска была все-таки вещь приличная.

Далеко от берега Пашка отплыть не стал. Через две минуты второй нахалившийся ерш уже бился на морской гальке. Пока Игорь доставал из чехла ружье, затачивал наконечник гарпуна и подгонял для Нины ремешки ластов, Пашка успел раз восемь сплывать за добычей. Изба куста ершевик вылетела из воды лет двести, все тонкие косячки аметист были вpletены пестрые ситцевые лоскуты.

— Паш, а Паш, — робко позвала она. — Маска за ершами прислала.

Выйдя из воды, Пашка молча подобрал кусок проволочки и, наступив ластом на рыбу, стал быстро просовывать конец ее через заборную петлю. Он напевал колючую ирскую так легко и бесстрашно, будто это были безобидные бычки. Чувствовалось, что в обществе Нины и Игоря ему хотелось выглядеть старше, чем он был на самом деле.

Покончив с рыбой, Пашка протянул ее девочке.

— Маска в воде слабее, — услышав проговорил она.

— Ну вот еще! — нахмурился Пашка. — Скажи, не за что.

Только теперь его взгляд упал на подводное снаряжение Игоря, и в его серых с желтизной глазах сверкнуло огнем молчаливое восхищение. На тускло-серой гальке матово посвечивала диоразовая трубка Игоря и ослепительно сверкала его спортивное снаряжение, а черная мешочек шали. Затылочные рукоятки обтягивала такая же эластичная белая резина, из которой были сделаны маска, ласты и даже фигурный заборник. И на всех принадлежностях стояло рельефное клеймо французской фирмы «Интелун» — тросик, с которого свисала длинная маска.

Пашка с блуждающим тросиком в руке красной резиновой тачки. У ружья вместо одной дышки две пары боевых резин. Он вздохнул и перевел взгляд на ручную глубиномер, поблескивавший на левом запястье у его нового знакомого.

— Разок дадите стрелнуть? — спросил он. Глаза его все еще блели.

— Нравится? — добродушно улыбнулся Игорь. — Ладно, как-нибудь постреляешь. Ну, а сам-то ты с каким ружьем охотишься? У меня позвухе будет, — грустно ответил Пашка. — Мое я делал сам.

Он подумал, подошел к воде и вытаскил наводку из какой-то странной предмет. Это был чудовищный гибрид средневекового арбалета и современного подводного ружья. Металлы детали были сделаны из дерева, по-видимому, из кизила. Игорь и Нина смотрели на непонятно сконструированный предмет недоверчиво к его конструктивным возможностям и несильно удивлены, а автором.

— Стрела у тебя из чего сделана? — спросил Игорь.

— Прут железный, — вяло ответил мальчишка. — Гнется...

— А резина отключил, — позвали Игорь. — Где раздобыл?

— Да вот, — Пашка поднес к губам концы своего лука и взглянул на Нину. — Есть такие кольца упруготельные... на утехас. Я ведь зимой в городе живу, в интернете. Вот и достал.

Еще отплывая от берега, Игорь решил во всех случаях поступать так же, как Пашка, повторить все его движения, но из-за самого начала попал, что это не так-то просто. Мальчишка сразу же набрал столь стремительный темп, что Игорю стоило огромных усилий не отставать от него. Визну, словно под крылом самолета, проливали глубокие устья я скалы, тогушие в холодном зыбком зумбуре.

По далекому дну бочком перегадывали неуклюжие крабы и рылись в песок горбылые барбабуны.

Игорь видел, как проносились под ним радужные стайки мальков старика, как обшаривали прозрачных между-зуралей серебристые нарезки с лиловым пятнышком у хвоста и поспешно скрывались в водорослях и утолщениях губастых губастиков. Пашка же с самого начала была фрезер краской! Но не ослепляющая, а приглушенная, слегка разматывающая, как карнавал во время дождя.

Широко расставив ноги, Пашка внезапно затормозил. Игорь проскочил мимо. Он развернулся и держал ружье опущенным, стал наблюдать за мальчишкой. Пашка висел над простую глубины, по крайней мере метров в пятнадцать — двадцать. Солнечные лучи, уходя вниз тугими, расклеванными добела струями, где-то на дне собирались в пучок — ослепительно яркий флюк.

Внезапно Пашка согнулся под прямыми углами, резко выбросил вверх ноги, закрутил ластами, канканом пошел на дно. Он плыл вниз головой, и следом за ним тонула искрившая шлейф из мельчайших пузырько воздуха. Арбалет Пашка держал наготове перед собой.

Опустившись метров на семь, он вырвался. Теперь в волнообразном движении все его движения были связаны с самым глубины. И через двадцатипятилетий мальчишка, а каска-то диоксидная человекообразная амфибия. Игорь слышал, как к нему приближалась Нина. Не поднимая головы, он приветственно помагал ей рукой. Трудно было оторвать взгляд от этого великолепного зрелища.

Пашка подплыл под нависшую скалу, ненадолго исчез и вскоре появился с другой стороны. Игорю казалось, что ему уже давно пора подниматься. Но Пашка, видимо, не торопился. Он плыл вдоль каменной стены, заглядывая в каждую щель, в каждую нишу. Движения его были неторопливы и плавны, как при замедленной киносъемке. Нет, это была исключительно непонятная. Игорь никак не мог бы так долго находиться под водой. А может быть, у Пашки, как у балеваского Ихтиандра, подсажены жабры акулы? Но именно в этот момент мальчишка начал медленно всплывать на поверхность. Да, такая выдержка можно было позволить. Другой бы вылетел наверх пробкой. Игорь понимал, что ему предстоит нелегкое испытание. Ну, что ж, он принял предельное трудолюбие.

Пашка всплыл недалеко от Игоря. Он шустро, как кит, вынул из трубки фонтан воды, и тяжелые капли ударили Игоря по шниту. Пашка часто и глубоко дышал. «Как это называется у подводников? — подумал Игорь. — Кажется, гипервентиляция». А впрочем, черт его знает!

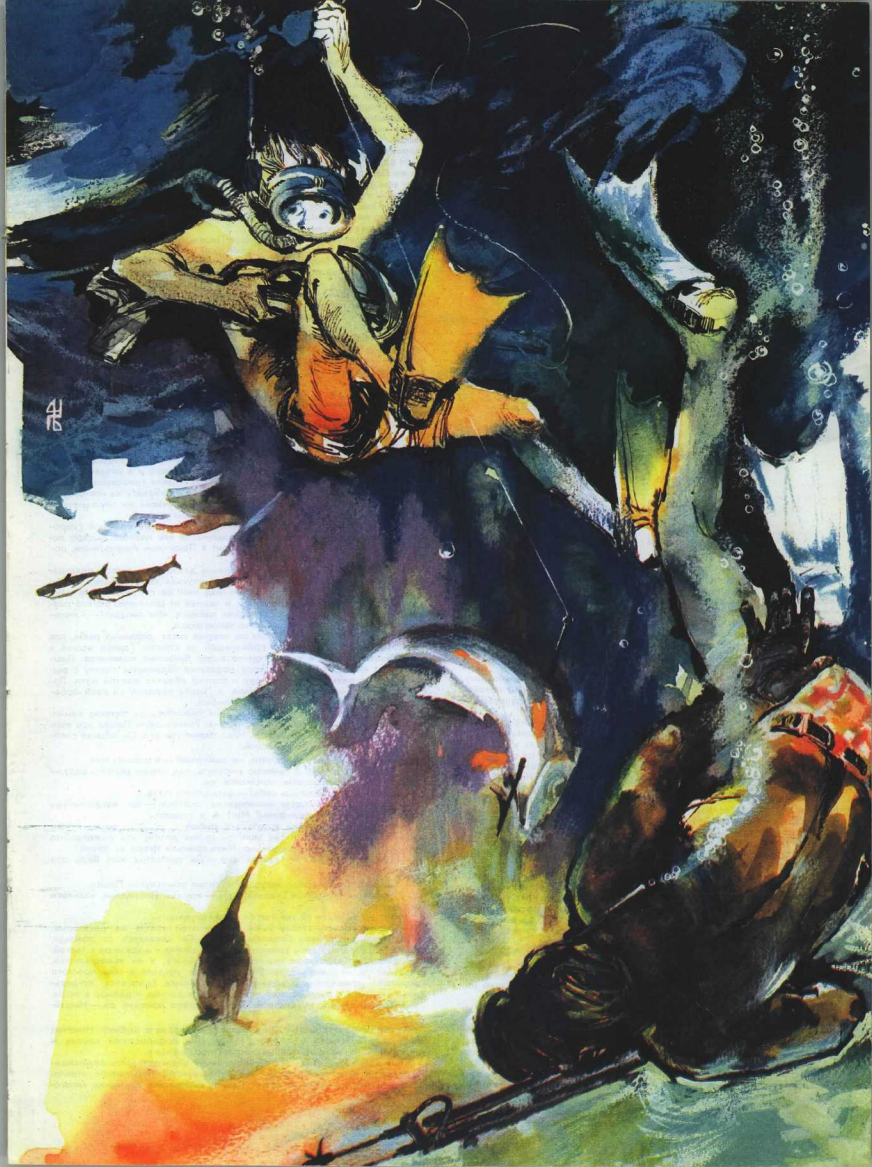
Немного передохнув, Пашка сделал Игорю знак следовать за ним и стал снова погружаться в глубокую морозную бездну. Прямо перед лицом Игоря и Нины появились зеленые и синие струйки. С каждым гребком Игоря чувствовал, как воздух в ушах все сильнее давит на барабанные перепонки. Когда боль стала нестерпимой, он сплюнул, и сразу же посыпался громкий хлопок, словно у него в ушах лопнули резиновые пузыри. Он тут же почувствовал облегчение и поплыл в ручейке воздуха, подталкиваемом пать метром. Но когда Игорь опустился еще немного, нарастающее давление стало ощущаться с прежней силой. Живот подтянуло, нос расплюснулся о стекло маски.

Не долгие метры до неглубокой пещерки в скале, Пашка указал на него пальцем. Игорь послушно подплыл к ней и стал приближаться к темнеющему отверстию. Он подплыл и концом ружья осторожно раздвинул водоросли. Там, в глубине, шевельнулось что-то огромное и живое.

У Игоря отчаянно заколотилось сердце, и он тут же почувствовал, что ему не хватает воздуха. Нужно было оборотить это болезненное ощущение, нужно было пережить себя. Перед ним впервые настоящая рыба, и он должен ее убить! А воздух до боли разбит грудью, и в глазах начинает рябить от прилива крови. Краем глаза он увидел рыбу, лежащую на дне. Он отпустил руку. Из его трубки, покочинаясь, медленно поднимались пузырьки воздуха, тяжелые и блестящие, как ртутные шарик.

Игорь собрал остатки сил и ныкнул на спуск. И тут же большая темная молния пронеслась мимо него.

Весьма странно Игорь отчаянно греб ластами. Он чувствовал, что как-то-то сила удерживает рыбу, тянет его вниз. Оно, как живое, подергивалось и трепетало в его руках. Игорь знал: это большая рыба выверит из его трубки. Но думать об этом было некогда. Он посмотрел вверх и увидел над собой зеркальный свод, в котором отражались

416

Игорь тут же забыл и про холод и про свою лобан. Он знал, что лобан — это самая крупная порода кефалей, а кефаль — едва ли не лучшая рыба на Черном море.

— Что же делать теперь? — растерянно спросил он.

— Поглядим следом. Они плывут на ползках, вот там... — И Пашка показал рукой направление. — Только не спешите. Если увидите рыб, ждите, пока подойдут на верный выстрел.

Внезапно Пашка замер. Он слегка покачиваясь на волне, как безжизненный обрубок и только чуть заметно шевелился кончик его ластов. Игорь насторожился. Он до рези в глазах вглядывался в ту сторону, куда был направлен арбалет.

И вдруг Игорь увидел лобанов. Их было штук восемь. Они шли прямо на Пашку. Сильновато-серые, огромные, как акулы, они казались издалека огромными бесстыдными фанатом.

Игорь старался не дышать. Вода слишком громко колочила в его трубки. Продавать ее было поздно. Он попробовал лечь без движения, но ноги, как назло, начали перетягивать, и ему повелевало прихорюпиться шевельть ямки.

Стадо лобанов совершило вокруг Пашки медленный круг почета. Игорь показалось, что одна из рыб даже попыталась клонить его за ласт. Пашка не шелохнулся. По всему было видно, каких невероятных усилий стоила альфа-рыбе эта выдержка.

Рыбы покружились недалеко около несущего на куцане горбыля и направились дальше. Пашка так и не выстрелил. «Жертву в мою пользу», — подумал Игорь. — Рыцарь выискался! И снова в нем против воли шевельнулись неприязнь к Пашке.

Кричала в трубке вода. От озабочен и нервного напряжения румяне слегка вздрагивало в руках. Лобаны неосторожно приближались. Но на этот раз они почему-то не стали подходить так близко. Что-то, несомненно, настораживало их в Игоре. То ли брызганье воды в дыхательную трубку, то ли дигающиеся ноги, то ли слишком яркая плавки были причиной их бдительности, но не дали рыб на расстояние к нему ближе, чем на три метра. Стадо и на сей раз обошло вокруг охотника и вдруг, резко изменив направление, устремилось в сторону Нины.

Игорь не выдержал. Он выскочил вперед ружье и в отчаянии выстрелил на водонюху. Он видел, как летит стрела (довольно точной), как она, не достигнув цели, дернулась, словно наткнувшись на невидимую преграду, и стала медленно падать, пока не повисла на прозрачном линьке где-то между ним и ребристым песчаным дном.

Выстрел испугал лобанов. Они метнулись влево, на большой скорости описали дугу вокруг Игоря и сорвались на глубину. Быстро поворачившись, он увидел, что стадо уводит в Пашкином направлении, постепенно набирая глубину.

Следя за рыбой, Пашка еле уловимым движением ластов разворачивался на одном месте, одновременно опуская свою арбалет. Игорь отличил и выстрелил, как стадо уводит Игоря на глубину около двух метров. Вдруг Пашка чуть дернулся, и черная от ржавчины стрела рывком настрелу одному из последних лобанов. «На попадет!» — мелькнула злорадная мысль. Игорь даже зажмурился.

Но куда он попал? Он открыл глаза, огромная рыба, как пропеллер, вертелась вокруг пронизанной ее стрелы. Гарпун вошел в стину около головы и вышел где-то возле брюшных плавников. Рыбка быстро нырнула и почти на ходу подхватила падающую стрелу с пашкой. Конец стрелы кинулся по дну и поднял облачко желтой муть. Лобан отчаянно бился. Подплыла Нина, и Пашка передал ей свой арбалет. Он еле справился с непокорной рыбой.

Добравшись до берега, Игорь и Нина бросились на горячие камни. Оба они изрядно заморозили за это время. Только один Пашка все еще был занят своим богатым уловом. Нина откинула его. Он поднял голову со сдвинутой на лоб маской.

— Как ты плаваешь так долго, не замораживает? — спросила она.

— Откуда вы взяли? Я начинаю мерзнуть, как только вхожу в воду, — с наивным протестующим признанием он.

— Зачем же ты мучишь себя? — засмеялась Нина.

— Не надо мне рассказывать, как выдержать? Вы же когда-нибудь слышали, как дышат дельфины? Нет? А слышали...

Наконец Пашка кончил возиться с рыбой и, насадив ее на куцан, закинул в море. Он был так увлечен своим делом, что даже забыл снять с себя подводящую ампуляцию. Нина тронула Игоря за плечо.

— Поглядя на него, — сказала она. — Да посмотри же! Ведь это Тритон!

— Значит, что-то вроде лягушки! — хитро усмехнулся Пашка.

— Что ты? — улыбкой сказала Нина, — это сын Посейдона, великого бога моря!

В этот день Пашка не заколот больше стрелы.

— Зачем попытку губить рыб, ведь и этот хвостик на десятках. Но Игорь настойчиво продолжал охоту. Он отказался от помощи, ушел в море один. А тем временем Пашка злетая в воде игру с Ниной. Она долго и безуспешно пыталась его поймать, а он вывертелся, ускользнул от нее, уловил уроч. Впервые Нина увидела в нем просто мальчишку, проназойчивого и смешливого. Пашка брызгался, по-прежнему вертелся в воде колесом, уводя ее все дальше и дальше в море.

— Хотите видеть воздушный клон? — весело крикнул он. — Нырять за мной!

Пашка нырнул под водой. Он моторно воевал в глубине. Наконеч мальчишка опустился на поросший густым водорослями камень и улес на него, непридуманно закинув ногу на ногу.

Нина впервые нырнула так глубоко. Внизу уже оказалась леденящая-холодная и чуть желтоватой, как размокший бутылочное стекло. Из-под камня, на котором лежал Пашка, вывалились пухлячки каго-

переворачивать утварь и заросшие водорослями скалы. И через все это просачивалось дрожжащее, как медоза, солнце.

Воздух, который Игорь уже не мог сдержать, с шумом вырвался через маску. Игорь казался, что он теряет сознание. Когда же наконец он пробует лбом это прохладный стеклянный купол? Еще секунда — и он залябливается. Но тут Игорь почувствовал, как солнце, настоящее заманное солнце брызнуло ему в глаза.

В легком уже не оставалось воздуха, и продукт наполненной водой трубки был нечем. Поэтому Игорь выплюнул загубник и мажко зтянул в себя струю теплого ветра. Раз, другой, третий. Он дышал.

С первыми же глотками воздуха вернулся интерес к окружающему. Рыба, которую он тащил за собой с глубины шести метров, из некоего символа превратилась в реальное существо с хвостом, плавниками и жабрами. Это была его лобана.

Игорь отпустил маску, чтобы вылить из нее воду, посмотрел вниз и тут же увидел Пашку. Парнишка еще только всплывал. В руках он держал спутанную в клубок леску и две стрелы. На одной из них билась огромная темно-фиолетовая рыбина. Даже делая скидку на оптический обман, можно было заключить, что длина ее не меньше полуметра. Где-то внизу, на конце линька, болтается Пашкин арбалет. Игорь бросил на Нину торжествующий взгляд.

Всплыв на поверхность, Пашка одной рукой продолжал удерживать рыбу, а другой пытался развязать перевертнувшиеся линьки. «Как это получилось!» — подумал Игорь. — Наверное, он выстрелил после мявки, и стрела перелеталась. Надо помочь парнишке.

Когда Игорь и Нина подплыли, Пашка уже заканчивал свою работу. Начав подтягивать арбалет, он вынужден был бросить одну из стрел, и в этот же момент Игорь понял: рыбу убил не он. Его собственный гарпун с обфронтенным язычком беспомощно висел внизу. Ему стало мучительно стыдно оттого, что Нина оказалась свидетельницей его поражения. Чертов пацан! Не иначе, как нарочно он сразу же увлек его на такую глубину. Игорь почувствовал, как в нем нарастает раздражение к этому мальчишке.

— Что это? — спросила Нина у Пашки.

— Горбыль, — ответил тот.

— Килограмма на два с половиной! — восхищенно проговорила она. — Полтора еще потянет, — равнодушно заметил Пашка и стал распутывать леску якоря, привязанный к ружью его самодельного ружья. Рыба, переставшая сопротивляться, утратила для него всякий интерес. Теперь это был просто большой кусок мяса.

Продав леску через жабры, Пашка привязал горбыля к поусу и обходярочно посмотрел на своего партнера. И эта улыбка, показавшаяся Игорю покровительственной, неожиданно разозлила его. Он развинулся и быстро поплыл к берегу. От холода его уже началось знобить. Однако через минуту Игорь услышал рядом с собой шум и обернулся. Его догоняла Пашка.

— Эй, смотрите поверку! — крикнул он. — Сейчас возле вас появилось стадо лобанов, а вы проспавли.

Кандолицу по солнцу

Юлия ИВАНОВА

Фото Д. ГРИШИНА, М. МУРАЗОВА,
В. ГУКОВА, В. САЙКА, Л. РАСКИНА.

Весна...

Она подкралась незаметно, стараясь ничем не выдать своего присутствия. Но люди, срывая листья на деревьях, только улыбались ее хитрости. И тогда, поняв, что больше прятаться нет смысла, она появилась в один прекрасный день во всем блеске, озорная, босяногая. Огляделась вокруг, вынула солнце из-за пазухи и, размахнувшись, швырнула его, точно камешек, прямо в синюю высь.

Дань — разбилось небесное стекло, миллионы трещинок брызнули во все стороны солнечные лучи, золотые, горячие. И принялись за работу. Прежде всего размакали самых симпатичных девушек и оставили на носу у каждой отметину — стайку рыжих веснушек. Потом связались метелкой, начисто вывели из всех уголков остатки серого талого снега, и вскоре на пригорках выдулились из бутонов целые выводки первых одуванчиков, пушистых и желтых, как мыльце.

На улицах появились прохожие без пальто, девочки в скверах завертели свои скакалки, и даже тип в зоопарке — известный ворчун и скептик — пришел неожиданно для всех в отличное расположение духа.

А мы вооружились фотоаппаратами и отправились делать репортаж о тепле, о солнце, о весне... Вышли из редакции и задумались: что же востанит такое весна?

— Эврика! — догадался мой спутник. — Давней наведем справку у говорящего информационного аппарата. Я слышал, что такие установлены в аэропортах.

Окрыленные, мы помчались во Внуково. Но — увы! — радость оказалась преждевременной. При слове «весна» аппарат всезнайка вдруг смущенно заморгал

зеленым глазом, закашлялся и смолк. Он до того растерялся, что самовольно выключился и даже не смог сообщить, когда улетает ближайший самолет на Ленинград.

— Не расстраивайтесь, — неожиданно пришел нам на помощь молодой человек в очках, оказавшийся ученым. До этого, ожидая посадки, он по рассеянности писал какие-то формулы... на своих светлых бровках. — Я объясню вам, что такое весна. В нашем полушарии это время года, продолжающееся с 21 марта, дня весеннего равноденствия, по 22 июня, день летнего солнцестояния.

— Какое уж там по весне солнцестояние! — сердито возразил его сосед-толкочник. — Да оно, солнышко-то, в посевную по небу пухлей летит, только успевай от зари до заката поворачиваться. А иначе весна особо ответственная: после партийного Пленума нам меньше двадцати центнеров пшенички с гектара никак нельзя собирать. В эту пору даже летчики колхозам помогают: удобрения с самолетов по полям разбрасывают. А вы говорите «стойки»!

— И для нас эта весна будет жаркой, — улыбнулась тоненькая девушка в цветастом платочке. — Наша «Берея» уезжает на гастроли в Бразилию и Чили. А вот товарищ, по-видимому, не иначе как на

Первое свидание с солнцем, с счастьем, с весной.

LY

А не заводит ли ни эта львица?

Быстрой, быстрой, турист! Ведь ни поезд, ни весна не идут.

Северный полюс собрался: меховую куртку с собой взял, унты, шапковую шапку...

— Угадали, — подтвердил высокий загорелый парень. — Я участник воздушной экспедиции «Север-14». Будет вестя в Арктике комплексные научно-исследовательские работы по изучению Центрального полярного бассейна. Для нас, полярников, весна — это, пожалуй, наиболее холодное время года.

Итак, мнения о весне разошлись. Пожилая женщина, с которой мы разговорились в автобусе на обратном пути, заявила, что нынешняя весна самая светлая. Ведь недавно

она переехала из тесной коммуналки в просторную квартиру. И наверняка так считала не только она одна. Два миллиона пятсот тысяч квадратных метров жилой площади получают в этом году только одни москвичи в подарок от строителей.

— Весны еще нет! — категорически заявил студент, забаррикадовавшийся в лудном учебном. — Она наступит после сессии. А пока предстоит одолеть десять веков за десять часов...

— Весна? — переспросила нас девушка с заветливо забытой прической, похожей на стог сена. — Вас, конечно, ни-

тересуют самые последние сведения. Что же, покажутся. Это матinee, свободно обрисовывающие фигуру линии. Популярны саладки, пилосе. Цвета — синий, зеленый, все оттенки коричневого. К сожалению, на деталях останавливаться не могу, спешу в ГУМ. Туда сегодня привезли новую ткань «Машенька». Лавсан с шерстью — прелесть! Самая модная в этом сезоне.

А бритый, взъерошенный мужчина, стоявший в конце стоиметровой очереди на автобусе до Лужников, обдал нас взглядом, полным презрения.

— Да вы что, с Луны свалились? Весна — это же нача-

ло футбольного сезона. Кстати, лишний билетика на сегодняшний матч не найдется?

А вот и влюбленные! Да как их много! Можно подумать, что вся Москва назначи-

В спор вступили акусы.

ла свидания у этого цветочного киоска. Розы!.. Алы, белые, желтые (последние, правда, спросом не пользовались). Наверное, с юга? Оказалось, нет. Десятки тысяч роз подарили влюбленным этой весной цветоводы Измайлова. И теперь счастливые влюбленные разносили по городу свежее, пьянящее дыхание этих цветов. У опустевшего киоска остался только один покупатель, с увлечением перелистывавший книгу жалоб. У него был такой важный вид, будто это на его широким, похонжих на две массивные колонны стальных держалась наша планета.

— Весна? — буркнул он. — Не задавайте провокационных вопросов. Пока никаких инструкций насчет этого не поступало...

Но мы не особенно огорчились чужим ответом. Мы поняли: можно было спросить всю страну, и у каждого нашлось бы свое, сокровенное, что можно сказать о весне. Почти для всех это слово означало радость.

Морозовичев? А почему, сама радость разлилась ей животом!

ВЕЧЕР

Без разрешения,
внизиде,
когда вода заголубит
и суда всматривает синий запад,
звонятся свистки трубы.
И флот, свистевший на флагиштово,
дрожит вавасе поперекотый раз,
прямомыслимый, стройный клонит
зажжет свой краснопятый глаз.
И вечер, топоча по травам,
сойдет прямокомно на бам,
откуда влора, мост лавы,
где вечно властуют табак.
Недальний берег светом брызнет,
протанет дружески лавном,
и сердце вожной грустью стянется,
как при прощании гармонк.
Севастополь.

Евг. АНТОШКИН

ВЕРБЛЮД

Сено горше песка
соскочило с губы...
В зоопарке пруды и сады.
И зачем тебе здесь
крутые горбы,
Если идешь воды
и оды?..
Может, где-то тебя
ждет давно человек,
Тот, что лобот твоей царственный шаг.
Словно два великана —
Эльбрус и Казбек —
На верблюдных качулись
плечах.
Двадцать метров вперед,
Двадцать метров
назад —
Вот и вся твои долгие
жизнь.
И чего от тебя эти люди
хотят,
Что к ограде твоей
собрался?!
А тебе все мерещится длинный
путь,
Горизонта тутак
коса...
Каракумов песка
через слезную муть
Застигают верблюжья
глаза.
Оренбург.

Леонид КЛЮШЕВ

ЭКЗАМЕН

Чтобы стихи, как в поле маки,
Могли краснеть — не отщипать,
Мно говорят:
— Через атаку
Ты их острожно пропусти.
Заставь стоять их в карауле,
На сквозняках, в густой ночи.
Ты их живыми пошла под пули,
Под танки брось, на киринки.
Ты их заставь не дрогнуть в лото,
Где смерть неистова, как заярь;
Ты их в горящем самолете,
В подлодке тонущей проврей.
Проверь, где казны, влывався,
плачут.
И атом выжжет лопухи.
И если выдержат, то, значит,
Они солдатские стихи.
Н-няя часть.

СТИХИ
С РАЗНЫХ ШИРОТ

Валентин КУЗНЕЦОВ

ПЕРЕД РАБОТОЙ

Не стучи, лесоруб, по столу,
Доброй силой похвалился.
Слышима, сосны роняют иглу,
Полой зеленой наливается.
Подними на вершину глаза
И скажи: «Красотища-то,
братцы!»
По гулкой сосне в небеса
Ты сумел добраться.
Пусть сегодня палы и тонор
По рукам по твоим пощучают.
Наливается несимаки бор,
Головою зеленой качаясь.
Ветка мокрая тинется вилась —
Так знакомо ей чувство полета!
Лесоруб, на весну наглядись
Перед трудной работой.
Вот лески, мохота и боса,
По размоткой проходит дороге.
На деревьях — синий голос,
Солнце летит в берлоги.
Там на просеку падает свет,
На кусты, обессымае тиня...
Рава ты лесоруб?!
Ты поэт
Красноярский край.

Михаил НАЙДИЧ

НАША ДОРОГА

Мы идем по земле,
Над которой вымяют рассветные
воры.
Остаемся
Где несина,
Где ракуту,
Где шросто от сердца слова.
Если нужно, турбинами, рожком,
Уловом горбуши спорим.
И всегда остаемся за нами
Благородные маки делья.
Есть во имя чего
Тышину потрвожить портальными
крапаями,
Есть во имя чего, обзигались
морозом,
Мораванку бросать в облака.
Самолеты летят
Над клеточными и над платанми —
Мы врываемся мечтать на земле,
Но ведь нет у мечты пютолка.
Свердловск.

Алексей БАДАЕВ

РЫБАЧКИ С БАЙКАЛА

Бугтует Байкал, точно омуль
в сетях,
То вправо, то влево метнется —
О скалы хвостом! Аж чешуйки
летят!
Летит и сверкает на солнце!
Свистит «баргузин». А баркасы
идут,
Валетают на волны косые.
На каждом баркасе цветами цветут
Косынки, косынки, косынки.
Они как прыгают дальние,
Как будто флажки сигнальные.
Рыбачки Байкала, погодка
свежа,—
Я руки хочу вам на счастье
пожать.
Ведь счастье вершить при погоде
такой
Так весело и уютно,
Такой небольшой, неширокой —
Такая огромная дело.
Рыбалкое дело — вот это по мне!
...По берегу бродят рассветы.
И стройные омули на рожно
Надеваны, как рыбки.
До вечера сит за утесом заря,
Прекрасное свляжи всякой.
И несина приколота на акора,
Закоченъ — подмишь лопору...

Рыбачки, какие же вы красивые
В рабочих одеждах своих
парусниковых!
Вы нашей природе близки
красотой.
Любому бурату знакомые,
Как стройные скалы над бурой
водой,
Вы в белом кипении омулей.
И сколько бы кто на земле
ни искал,
Но я убедился давно:
Таких непроститных
и женственных сил
Найти никому не дано.
И если еще бугтует вода —
Уравабайная на стихай, в сети,
То вами поворены бес труда
И я и мои стихи...
Свистит, «баргузин», хохочит и свистит,
То этак, то так замывала,
Веселится, Байкал, словно омуль
в сети,
Уравабайное меня удивляет,
Чудак ты! Да и был бы счастьем
иполно —
Счастливейе слышать одна ли,—
Когда бы девять-рыбачки до мне
Такой ижестью прощались.
Пересел с буртского
Юрий РЯШЕНЦЕВ.
Улан-Удэ.

SOS... SOS

Георгий АНЗИМИРОВ,
Григорий ДУБИНСКИЙ,
специальные корреспонденты
«Совми»

«SOS» — этот сигнал знают моряки всего мира. «SOS» — это значит, что с кем-то случилась в море беда. «SOS» означает надо немедленно идти на выручку терпящим бедствие».

Суров Тихий океан. С ним надо всегда бороться, убо востро. Чуть зазевался — не видишь опасности от тучных, могучих волн. Вот почему днем и ночью бороздит «Стерегущий» — спасательное судно Петропавловского-на-Камчатке порта. «Стерегущий» — это, если можно так сказать, профессиональный ловец тревожных сигналов «SOS». На нем служат моряки высшей квалификации, опытные, смелые люди. Судно имеет специальное оборудование, позволяющее ему оказывать помощь и при пожаре, и при пробоине, и при любой другой беде, которая может случиться в море.

Мы, случайные пассажиры «Стерегущего», оказались свидетелями одного такого случая. О нем и рассказывают эти фотографии.

«Стерегущий» держал курс в северную камчатскую бухту Инидра, где должен был заходить заблудившего рыбака. На борту шла обычная жизнь: сменялись вахты, кто-то стоял у штурвала, нес службу в машинном отделении, кто-то отдыхал, читал книги, играл в домино».

Но вот в 20 часа 25 минут в судовой радиорубке начались радийные переговоры Николая Дубинского, принявшего сигнал «SOS». Их послышал в эфир средний рыболовный траулер «Портовик». Рыбаки извещали, и траул, брошенный в океан, намотался на винт. Судно потеряло управление.

Тревожную весть радист обязан немедленно сообщить капитану (с.и.м.о.н. 1). «Стерегущий» изменил курс и, разлив свое огромное пламя скорости — 15 миль (около 30 километров) в час, разлился на поиски потерпевшего бедствие. Когда спустя четыре часа в море показались огни «Портовика», капитан Владимир Иванович Авинов начал подниматься в рулевую рубку, чтобы лично командовать спасательной операцией (с.и.м.о.н. 2).

SOS... SOS... SOS... SO...

Палубная команда быстро берет «Портовина» на буксир, и через полчаса «Стерегущий» уже тянет траулер в бухту Петро Лаароа — удобное место стоянки (с. и м. и 2). На рассвете, когда оба судна всадили на якорь, в дело вступили водолазы. Им предстояло освободить винт от тины. За

десу ударник коммунистического труда Виктор Савенков (с. и м. и 4 и 6).

— Как идут дела? — то и дело спрашивает его по телефону Владимир Драба (с. и м. и 5).

Более двух часов работал водолаз, средняя нагрузка была довольно распухшая тина. Но вот наконец винт чист. Все в порядке (с. и м. и 7).

Добрый сломом помнят намчатские моряки: комсомольско-молодежный экипаж «Стерегущего», всегда готовый прийти на выручку товарищам.

ТАК РАЗОШЛИСЬ ДРОГИ...

А. СКРЫПНИК

Мы спешили. К вечеру надо было непременно поспеть в город. Был полдень. Яркое светило солнце. Но уже стояла осень, и прозрачный воздух был холоден.

У раки машина остановилась. Пока шофер заливал воду в радиатор, секретарь обкома комсомола, молчаливый, муромого вида парень в очках, притворив дверцу и закурил, уговаривал меня захватить в Шуровку, к Лиде Скрыпе.

— Это же наша лучшая свекловица... Так и быть, сделаем ради тебе крюк. Ну, соглашайся.

И мы повернули на Шуровку. Лиды дома не оказалось. Пожилая темноволосая женщина (может быть, Лидина бабушка или мать) сказала:

— Лидка теперь днюет и ночует на ленке.

Она махнула рукой за село.

Лидя, высокая, тоненькая, до самых глаз позванная белым платочком. На ней ситцевое платье, перетянутое в пояс. От этого девушка кажется еще стройнее. Подод пласть подоткнул спереди за пояс. Так делали все женщины, работавшие в поле. Завидев секретаря, Лидя расправила платье, сказала:

— Видеть, забили дорожку в наше звено? Или все засадили да совещания?

Она говорила это снисходительно-грубоватым тоном. Секретарь неловко потоптал на месте, смущенно улыбаясь, и ничего не ответил. Он зачем-то снял очки, и я увидел, что у него удивительно голубые ласковые глаза...

Первый раз они встретились два года назад. Лидя тогда уже работала звеньевой, или ланковой, как тут говорят...

Про то, как начинаю свой трудовой путь десятиклассник, Лидя наизусть знала из очерков, которые она читала в газетках. Значит, так. Приходит в кабинет председателя колхоза девушка (она обозначена маленьким ростом) и смущенно говорит: «Хочу работать в поле». Председатель, сразу же не доверяя ей, сомне-

вался: «Да справишься ли ты? Эвон какая вонючка». «Справлюсь!»—тихо, но твердо отвечала девушка.

Ну, вначале у нее, понятно, дело не ладится. Ночью она тайком от матери плачет в подушку. Но на помощь приходит старая звеньевая тетя Глаша, у которой непременно натужены, мозолистые руки. И героиня быстро становится на ноги. По ночам в ее окошке долго не гаснет свет: она читает умные книжки. Если что у нее не получается, она идет к колхозному парторгу. (У парторга непременно умные, добрые глаза.) И вскоре ее портреты уже печатают в районной газете. Все, в общем, происходит быстро и не очень трудно.

Но это в очерках. А в жизни у Лиды все начиналось до обидного просто и обидливо. Им дали пять дней на подготовку к последнему экзамену на аттестат зрелости, а мать разбудила Лиду на зорьке и сказала:

— Надо, доно, на ланку идти. Людей на шворене не хватает.

Лидина мать была звеньевой.

— А зызымыны как жей!—встрепенулась Лидя.

— Вечером будешь готовиться... Мать вонюче развала рукам.)

Взгорлая нехлюбая на плечи кофточку, Лидя глянула на раскрытый учебник на подоконнике. Он так и остался там лежать и день и другой. Лидя все-таки сдала последний экзамен (правда, на тройку), но какое теперь это милое зызымыны?

Дни тянулись длинные, как годы. То лето было трудным. Начала шли дожди. А потом, когда всходы чуть поправились, ударил сухой ветер. И Лидя, не разгибая спины, целыми днями работала в поле с сепкой в руках. О том, как жить дальше, разговор был коротким.

— Я тебя в свое звено записала,—сообщила однажды мать и, помолчав, добавила:— Уйтишь бы тебе дальше, да видишь сама— мне шестидесять лет. А нас с тобой двое на свете...

Вот так все начиналось: с нового поля, тяже-

лая сепка, санцом намлоте тело. И каждый день одно и то же... Кожа на лице и на руках у Лиды погубела. Довела выгорела волосы.

Трудно, очень трудно приживалась Лидя к земле. И первую, понастоящему искреннюю радость она испытала осенью, когда убрали свеклу. Урожай в их звене оказался самым высоким в колхозе. Лидя вдруг подумала: «А здорово все-таки, своими руками вырастими зон столько свеклы». Она поумствовала: какую-то необыкновенную легкость и непопятную ей радость... И дни полетели быстрее.

Мать ушла на пенсию. Неожиданно для Лиды все в звене завалило:

— Уй Лидя будет у нас ланковой. Дичина на работадка, грамотная.

Она часто думала: если бы не поле, как бы она мечтала стать? И терпалась: ей одиноково сильно хотелось и любить детей, и летать на самолете, и выступать в театре. Но о том, что осталась в поле, она не жалела. Ей нравилась трудная ее работа. Сто раз на день она могла обойти поле, чтобы увидеть первые проклюнувшиеся ростки. Она любила пшеницу, и хорошие книжки, и стихи. И когда она разглядывала росток, ей хотелось представить, что это— живое существо, за судьбу которого она в ответе перед людьми. Может быть, поэтому она так остро переживала неграмотную беду: на большей части ее участка черная буря начисто съела только что поднимавшиеся всходы.

Лидя прибежала в поле на рассвете. И как села на землю, так и не смогла подняться от горя. Тут нашел ее секретарь обкома, при-

ехавший в колхоз. Он не утешал ее. Он просто сидел рядом и слушал. А она плакала и рассказывала ему, как светило, сколько труда вложили. Он слушал, сняв очки, и глаза у него были очень голубыми и добрыми. Когда ехали в село, он дал ей свой платок.

— Вытри слезы.

Она развела грязные полосы по лицу, поглядывая на платок.

— Я постряю...

Он ничего не ответил. Он вообще был молчаливым. Он пробыв в то раз в селе три дня. Ездил с председателем по полям, был на ферме, читал лекцию в клубе.

Лидя нравилось, что он много знал. Он был учителем по профессии—раньше преподавал историю, Лидя завидовала ему: ей тоже захотелось много знать. Вспыль сказал ей в разговоре:

— Очень плохо комсомолы работают в колхозе. Все же тут много, десятиклассников.

— А что надо делать?—спросила Лидя.

Он начал рассказывать ей, как сам когда-то, работая в колхозе, организовывал соревнования. Как сами комсомольцы построили клуб. «А главное, учитесь надо обязательно!»,—сказал он.

Лидя после этого стала уговаривать дедов поступить учиться заочно. Но только одна согласилась—ее подружка Марияшка Стовец. Они подали заявления в сельхозсоюзветовское академии. И хотя дел было полно—полно (готовились к уборке), Лидя с жаром взялась за учебники.

Иногда после этой встречи Лидя видела фамилию Василья в газетках (правда, Лидя с трудом читала его статьи: уж больно смущенными они были). Или появлялся заметка на совещании выступил секретарь обкома... И фамилия Василья.

Второй раз он приехал в колхоз осенью. Лидя была в поле. Она стояла у машинки Боском. Ноги у нее были обветренными и все в цыпках. Она очень смущалась, увидев Василья. Ей было неловко за эти проклятые цыпки на

ногах; она пошла и попросила у Николая Тарана, колхозного шофера, резиновые сапоги, валившиеся под сиденьем.

— Приехали, значит! — сказала Лида. И замолчала.

Василь свел очки, ответил: — Вот, приехал... И тоже молчал.

В ту ночь машины вывозили свеклу с поля. До утра решили вывезать все. В последнюю машину задержался Василь. Остался с Лидой ждать ее. Лида рассказывала Василью и про то, как сдавала экзамены в академии («Вузистую, ну, интеллигентки не помню...»). «А что поставил «Патриоту» о том, что вы не вступили в партию? Она сидела и говорила обо всем на свете. Было тихо и светло, как бывает перед рассветом. И для Лиды не было во всем мире человека, которому она так обо всем рассказывала бы и который так ее слушал. Иногда она со смехом перебивала себя:

— Ну что это я, как трещотка! Рассказываю что-нибудь. Ну, про работу. Вот «Звездный билет» я прочтала. Тебе нравятся? Иди по работу. Что тебе за вилки?..

— Нет, ты говори, ты интересно рассказываешь, — просил Василь.

Он слушал ее и думал о своем. Он мысленно корчил себе из того, что не успел прочитать «Звездный билет». И тут же успокаивал себя: «Иногда, говорят, так себе. Да и читать-то некогда...» О работе что ему рассказывала о работе: лекции, лекции, лекции, совещания, командировки. «Ну, что это я так: кружки, лекции! Работа, конечно...» Но почему же тогда он не может рассказать о ней так же горячо и азартно, как Лида? Почему не?

Василь смелся, представлял себе как будто более озабочено свою работу. Вот Лида выражает свеклу. А она! Когда он был учителем в школе, он видел, как ребята жадно выпитывали все, что он давал им: они давали ему столько переживания, когда пересказывали ему урок. Он видел: вот что даю людям. А сейчас «так ты скажи теперь, Василь», — мысленно сообщивает он себе: сейчас, как бы дурак, три года ты работаешь секретарем: какое больше и важное дело или начинание ты затеял в области? Ответ самому себе по совести; не раз и не два был ты вот в этом самом районе, давая указания, проводя совещания, или сколько еще молодежи ходит в церковь... Значит, не получается у тебя!..

Он вспоминал, как прошлым летом обком позвал ему провести семинар в районе. На семинар собрались пропагандисты — хорошие, веселые ребята и девчата. Они не очень внимательно слушали лекции, потому что стояла духота, а за окном плескался речка. Кто-то предложил:

— Василь Панасович, а давайте так сделаем: искусаемся в я ласочек пойдём, там холодок, и послушаем лекцию.

У Василья от жары взмок воротничок, катил пот, а он, протирая очки, думал: «Черт знает, купаться придется... Неудобно, все-таки секретарь обкома... А в ласочке... это там; ни свист как следует, ни конспект положить некуда...»

— Мы, товарищ, собрались на семинар, — сказал он, — а не на загородную прогулку...

После лекции все тут же побежали купаться. С Васильем остался только секретарь райкома. Но он и вскоре предложил:

— Может, искусаемся, а Василь Панасович? — Вы как зовите. А мне не жарко. Я тут бумажки ко-важине поспотрю.

Смотреть было нечего. Василь сидел один в душном зале и мучился от жары и досады на своего себя.

После он корчил себе: «Ничего так! Надо было ближе к людям... И когда спустя месяц поехал в другой район — организовать соревнование кукурузозводов, он все время помнил про семинар. Тут он был почти месяц: мотался по колхозам, помогал выпустить кислотные и обложные листочки, свозил совещания в райкомы. А урожай убрал последний в области. Он долго думал: как же тогда я вложил столько труда и усилий! Но когда я обкомом докладывал, из зала слышался кукурузозводов, он вдруг почувствовал, что за этими фамилиями он не видит ни лиц, ни судеб. А ведь он встретился с ними, разговаривал. Значит, не о том разговаривал...»

— Новет на земле человек. Он молодой, он еще только начинает жить. По утрам он ощущает радость на работе. Он делает ее подчас

увлеченно, иной раз машинально. Но проходит время, и неожиданно человек начинает понимать, что дело, к которому он приставляет, не по нему.

Эта мысль сначала чуть теплится, потом уже не дает покоя. Надо найти мужество и признаться, что ты слен не в свои сани. Это очень трудно — признаться даже самому себе... Ходит человек по земле. Исправно делает дело, к которому приставляет. Вглядясь пристальнее, человек: твои ли это дела?

— Уж рося пала на землю, а Василь сидит, обхватив голову руками.

— Да ты мне слушаешь, меня! — смеется Лида. — Ты, мабуда, спать хочешь!

— Что ты! Я только подумал... — О чем? — спрашивает Лида.

— «Звездный Нет. Она не поймет. Она хорошая девочка. Но она не поймет меня». И Василь отвечает:

— Нет, это я так... Когда ехали домой, изгнусаю последнюю мысль. Василь вдруг почувнул припомнил, когда он приезжает в родное село, все говорит:

«А то ж Василь! приехал, старого Панаса сын, учитель!»

— Василь не скажет: секретарь обкома. К чему бы это припомнилось!

Шальный ветер раздал рошину на окрестные села. Она стон прозрачная, так все и светится на солнце. И небо и воздух кругом светлы и прозрачны.

Мы сидим с Лидой на куче жухлой свекловичной ботвы. Она берет из плетеной корзины свеклы и ловким ударом ножа отскакивает листья. Лида делает это машинально. Делает по-прежнему, что темные ве руки, тонкие в запястьях, с белыми трещинами на сгибах пальцев, не могут без дела.

Подходит Василь, — он был на другом участке, пока мы разговаривали с Лидой.

— Я не помешал? — осведомляется он.

— Нет, — коротко отвечает Лида. Обрубив листья, она бросает свеклу в корзину, где навалены прямо на землю уже ошноренные корневища. Убрал со зла побустиве волосы тыльной стороной ладони, она говорит, кивая в сторону села:

— А вот те дорога — видите, белеет а поля, ровная до самого села! — то по ней на работу мою. С самого ранку, чуть только займется зорька... Тут всегда матери моей ланка была, она тоже по той дороге ходила. А теперь я...

Лида поехала в Киев сдавать экзамены за первый курс. Сдала она отлично. И там же впервые услышала об односторонних семенах свеклы. Семь свеклы давало только один росток, и это позволяло при механизированной обработке сократить затраты труда.

— Надо посеять у нас в колхозе, — сказала она.

Но председатель колхоза заупреждал: — У нас не опытные поля. Мы должны давать свеклу.

Лида ему свои расчеты, а он ни в какую. Она ему доказывает:

— Во-первых, мы всего пятнадцать килограмм семян на гектар посева. Всполоху меньше примерно. Семь себренком. Во-вторых, на моей ланке в сорок гектаров пять человек только будут работать. Всего пятно. Попробуйте!

— Председатель ничего не хотел понимать.

— Это все на воде виланы писано... А нам надо свеклу сдавать государству.

В ту пору Лида как раз была на совещании

молодых свекловодов в городе. Она выступала, говорила громко, критиковала своего председателя. Василь о выступлении Лиды отзывался одобрительно.

— Чувств, Василь, — сказала Лида, — какая у меня к тебе просьба! Поговори бы ты с председателем: он-то моего выступления не слышал. И вообще он никак не соглашается на опыт.

Василь замаялся. Он сидел в кресле за большим столом. По правую руку — телефон, по левую — книжки.

— Понимашь, Лида, — сказал он, — я секретаря прогнал!.. Это аргументчик.

— Но ты же комсомольский секретарь! — начала Лида и остановилась. Она почувствовала себя вдруг неуверенно. Бывает же иногда: все хорошо, и вдруг неожиданно капля с крыши за короткими каплями.

Лида ехала домой, в Шуровку, на попутной машине. Пронзительный ветер задувал в кузов, бросал в лицо лихорадочный дождик. Лида наткнула на плечи негнущийся край брезента. Ей вдруг почему-то подумалось, что теперь она очень нескорю вернется в город. Скольким же в Шуровке! Ну, председателя она уговорит. Агроном в помощь возьмет. Дело-то интересное и нужное... За второй курс академии надо готовиться. В театре бы еще побывать.

«Василь был, а я ни разу».

— Она стала думать о Василье, припомнила последнюю встречу. Нет, как-то другой он в городе. Приезжал в Шуровку совсем не такой. А в городе, наверно, Трудовому ему.

Ветер вез с Лидины плечи тяжелей брезента. Холодно. Слякотно. Осень...

Мы возвращались из Шуровки поздней ночью. Машина летела по шоссе. По сторонам — непроходимая темь. И только если присмотреться лицом к окошку и загордылись лядонями, увидишь тяжелые кучи деревьев, белые стволы соломки. И еще дальние-дальние огоники. Там люди. Смотришь и интересно: что это за люди, чем они живут, что думают, чему радуются!

Я думал о Лиде. О том, что вот, может, и сейчас, как и с людьми за теми окошками, я никогда больше не увижусь. Но мне было хорошо оттого, что жмет на змею такая длушка... Я приснул от скрекета тормозов.

— Черт, чуть не врезал! Осел, что ли! — ругался шофер, гребок кулаком проважешив мне мимо автобус. Трогаться он сказал сидевшему рядом секретарю обкома:

— Это я говорю вам, Василь Панасович: осеть даже хороша дичина Лида...

Видно, продолжая перерывной разговор, Василь потер ружьем ветровую стекло, отозвался:

— Хорошая... Там женился... Шофер перешел на «ты» — Любят же тебя дичина. И ты ее, екает, любишь.

— Женился? — Василь помолчал. — Слыхал, как она корреспонденту по дороге говорила! Ни за что в город не поехала. Уж я и ее знаю.

Василь почему-то опять перешел на официальный язык.

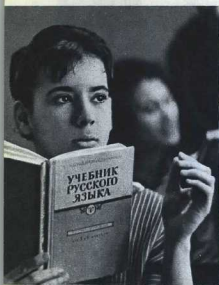
— Выходит, тогда вам в село надо перебраться — рассудительно сказал он. — Вы ж учитель. Сами работайте.

Василь что-то ответил, но я не расслышал... Недавно я узнал, что Лида вышла замуж за уроженца паренка. О ее урожаих свеклы за городом я не знаю.

Василь Панасович по-прежнему живет в городе. Работает секретарем обкома.

Ужгород — Винница.

1.

ОДИН ДЕНЬ КАРИДА

Фото М. МУРАЗОВА.

Это маленький фоторассказ об одной девушке. Ее зовут Каридад Морено. Она приехала в Москву с далекой Кубы. Теперь Каридад — студентка хореографического училища Большого театра.

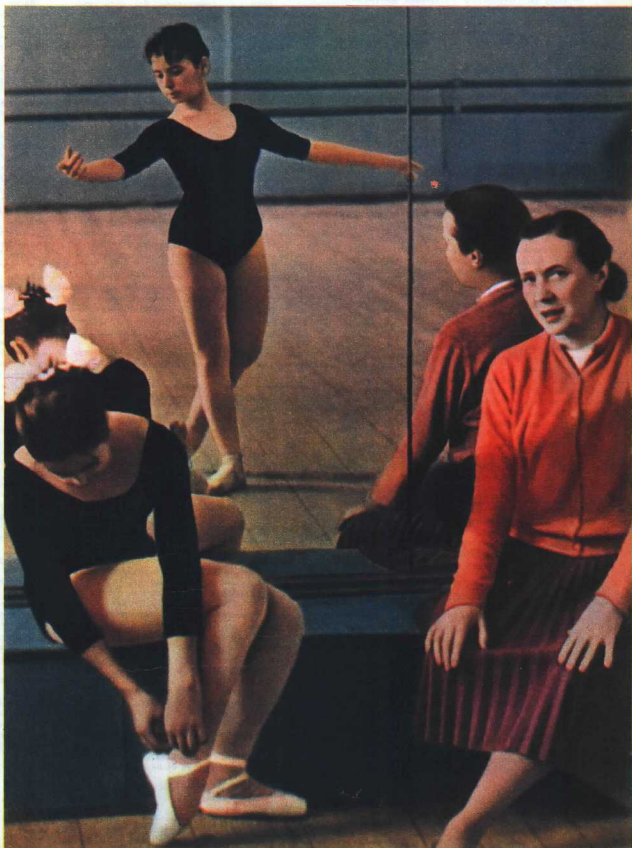
Корреспонденты «Смены» провели с Каридад один день. Об этом дне и рассказано на наших снимках.

Полтора года назад Каридад Морено приехала в Москву, не зная по-русски. Ее поселили в интернате ученица. Соседней по комнате оказалась англичанка Анна Стоун. За три года училась в училище Анна не только овладела основным классным и хореографическим танцем, но и русским языком. Она-то и выручала на первых порах Каридад. Теперь они живут втроем. Третья — Фаридат Утайе из Дмакарты (фото 1 и 5).

Каридад занимается в классе опытного и требовательного педагога Аллы Михайловны Лениной. Занятия по классике всегда начинаются у станка. Одно движение сменяется другим, более сложным. В разнообразных упражнениях закладываются основы балетной техники. Затем преподаватель приглашает ее на середину зала. Это любимая часть урока Каридад. Увлеченно выполняет девушка движения, из которых складывается классический танец. В танце вынуты звуки роля кажутся оркестром, а зал — сценой.

Но вдруг музыка обрывается: Каридад что-то сделала не так. Алла Михайловна показывает ей, как надо держать спину. Для танца важно просто выучить па, очень важно и постановка корпуса, и поворот головы, и координация рук... Все важно! Звучат аккорды, все повторяется сначала.

Каридад на мосточке в классическом танце. Четыре года

2.

МОРЕНО

3.

она занималась на родине у знаменитой кубинской балерины Дилисии Алонсо. Но чтобы стать настоящей балериной, девушке предстоит еще годы учебы. Карндад хорошо это знает, поэтому она трудолюбива и настойчива. Старательность — вот, пожалуй, качество, которое отличает кубинку. Оно проявляется во всем — и тогда Карндад маршировала в отрядках милаисано и теперь, на занятиях в балетной училище (фото 2).

День в училище забитлен до отлаза. Но Карндад находит время для занятий музыкальной не только потому, что это входит в программу обучения: девушка ее просто любит. Еще в раннем детстве ее мать — любительница фортепьянной музыки — учила дочь играть. Те-

перь под руководством советских педагогов ее дарование развивается. Карндад уже играет произведения Чайковского, Бетховена, Моцарта, Листа, Баха, Шопена, Хачатуряна и Прокофьева. Подругам нравится игра Карндад. И хотя она еще ученица, но уже выступает в любительских концертах по классу фортепьяно (фото 3).

С тремя подругами мы познакомились на дне рождения их соседа — студента консерватории колумбийца Эдуардо Беррио. Пришли гости — студенты разных вузов Москвы. Колумбиец танцевал с кубинкой, англичанин — с сиринцем, индонец — с турчанкой. Было весело. И все объяснялись по-русски (фото 4).

Владимир ОСТРОВСКИЙ

4.

5.

Идет ночная смена.
Все десять стоек прожекторов плавают в однообразное пятно. Звук, как и на любом участке стройки, не делается слышим. Работают так же, как днем. Иначе человек — ведь мы строим Кривошеину? ГЭС. Мы сами назвали стройку уральской комсомольской...

Туман заливает все вокруг. Мы видим, как бело-серые потоки переливаются через опалубку, поднимаются и падают вверх. Потоки тумана идут не с реки, а с той стороны, где в ночь загораны левобережная гора с распадами и теснинами.

Щеки ощущают холодные капли, а под куртку, под рубашку будто кто-то прикладывает студень. Этот студень и обвораживает перед глазами, он трясется, он похож на крупу из мельчайших светящихся бусинок. Трясет и нависает на нос, на брови, на щеки, на уши.

Вперед идет — слышится голос Алексея.
— Бады кажется мягкой, ой, несмотря на травяное предупреждение Алексея, мы сторожко нехоро, левее. Утогуни и крапы, что за опалубку, и бульдозеры, что впадом рядом по скале. Что случится? Где это прорвало? Отчего нас затюшка этот такой океан? Отчего он клубится?

Кто-то говорит спокойно:

— Сентябрь.
— Да, началось сентября, и лучшего теперь не ожидай. Каждую ночь туманы ползут, а коль так, то привыкай работать в любых условиях. В клубящихся содой густоте тумана работ нашей бригады вмянут, потухают. Голоса похожи один на другой так же, как глухое гудение и жужжание вибраторов.

Врань возмает вибраторы, врань выпаскиваем... Так особенно хорошо выхотит, когда надо разогнать и провибрировать тумасый слой. Нас девять, десять вибраторов впадают в толщу бетона, и они постепенно сваятся.

В половине пятого с той стороны, откуда идет Висней, прожмается просинь. Прожмается так же, как вода через брезент. Слева чуть-чуть, потом сильнее, сильнее.

Кружатся голые, сами собою закручиваются в вихрь. Хочется прыгнуть и «пригнать» комарика» хоть на пять минут, хоть на минуту. Бетон, облитый светом фонарей, топь бронзовых. Блеск жидкой бронзы стелет в глаза. Выходит тут же и туман. Из тумана слышится, что нет сил сопротивляться ей, нет сил держат себя. Иван больше не командует. На щеквах его ходят брызги жевалки, точно он вожжи в самом себе вытравил.

Справа от меня всхлипывает Володя. Он избирет губами стекающие по лицу струи и отшвыривает. Володя как-то всем телом наваливается на вибратор, и я иду пообу, что слышно протесет, так как Володя от легкой зыбнющей стнни или вибратор. Вверх комментация спросила у него:

— Ты кем работываешь?

— Я бетонщик-гидростроитель... с подокрипным достижением, ответил Володя, уперев руки в бока.

— Значит, бетонщик? — переспросила она.

— Нет. Я бетонщик-гидростроитель... — уперев повторил Володя.

— Да, среди строителей появились особые, новое подразделение: гидростроитель. «Ты кто?» — спросит у механизатора. Бульдозерист, — отвечает тот и добавит обязательно: — Гидростроитель. «Ты кто?» — спросит у мужчины, заступающего с топвором по опалубке. «Плотник», — скажет и добавит: — Гидростроитель.

Бульдозерист-гидростроитель. Крановщик-гидростроитель. Бетонщик-гидростроитель. Арматурщик-гидростроитель. Плотник-гидростроитель. А не просто элекрик, не просто крановщик, плотник, сварщик... Гидростроитель значит изобретает все большие и малые гидростроительские, строит все все республиканка на дальнем севере и на жарком, еще более далеком юге. Севере недалеко на реку Ингуру, что на Кавказе, пришли первые бульдозеры, чтобы построить там ГЭС. А у нас уже все знают, что мощность ее будет один миллион четыреста тысяч киловатт, что плотина там поднимается на триста метров. И, закончив дело в одной стороне, гидростроитель не идет туда, где работа погуще, но, поедает.

«Я же гидростроитель», — скажет он с гордостью.

Каждый из нас помнит на память, а между тем в кошачье вместе с аргументами обязательно носит и берет истерый газетный клокол со словами Никиты Сергеевича: «Строители вообще и гидростроители в особенности — это люди, которые прокладывают путь новому в жизни».

— Видаа? В особеннннн! — говорит Володя. — Того, брат!

Десять раз мы самовали от Володи, как он, еще будучи на Урале, в Приволжье, строил жилище дома и самое настоящее рационализаторское предложение подаа. Теперь так, в Приволжье под все лаги подсаживаются куски резины для амортизации. И что сам главный инженер его за это хвалит на собрании.

— Володя? — Того, брат, не бухты-барахты. Будем при этом подолзительно всматриваться в нас, очевидно, сомневаются, что мы так ладно и повелили ему в этом:

— Поняк? Ах-ах! знаешь что такое? То-то. В Приволжье их на чурочки клали до меня...

Мы подогнем бетон под отметку. Поверхность должна быть ровной, как сток.
После работы остаемся на нас, и Алексей читает нам выступление Никиты Сергеевича Хрущева по радио и телевидению, опубликованное в «Огонь Виснею». Каждый из нас слышал это выступление по радио, тем не менее слушаем еще раз, слушаем и волнуемся. Иван, очень серьезный и, как дружина, собранный, какой-то все историзированный и уверенный, то и до нас перебивает нас, и прерст.

— Повтори, повтори вот то, посладнее.

В первый день, когда бригада наша собралась на объект, чтобы начать укладывать бетон, когда мы только числились рабочим в контрольном списке, еще не знали друг друга и только знакомились, когда возможна невидимый сердый дождь, мы не находили темы для разговоров, кроме как о бетоне, о том, где, на какой тройке, как его укладывали и укладывавот. Тогда я принял Ивана за рассеянного, какого-то потерянного и смущенного. Но уже через несколько часов я увидел его другим: энергичным, собранным — он принимал «ЗДЛ» за бетон, командовал шиферными так, будто всю жизнь инн командавала, будто все они ему знакомы, поднимал и опускал скалу, стремительно вскакивал на борт кузова и скреб опалубку.

Почему Володя, влюбленные в свое дело, всегда уверенны в себе, жизнереодности и живут домыслет? Это заметно даже в малом: иной день бригадир не уходит хорошо расставив свои приказы самому подбирать себе такое место в блоке, где ты можешь так же стоять на нужном месте, как стоишь, скажем, футболисты на поле; и тогда не устнешь и работа-

ешь воеею. А до этого устнешь и физически и морально, пока ненешь не устнешь. Значит, весь секрет — в уверенности и сомнении, полностью ли ты отдаешь людям, коллективу, даже маленькому бригаде, даже маленькому звену свои способности или не полностью. Отсюда и домыслет, вселесть жизнереодности — удеа все, что основательно и вымолдене делает свое дело в личной жизни.

Тут вуюду. Пока человек не нашел себя, пока он не удеа, он как сухой листок на дороге: тухнет и кружится. А если наша себе человек, то он точно скальный камень — отбойным молотком не отковыряешь.

«Как-то раз во время смены я услышал Акимовское слово «бухтунт». Оно означало: Иван ценит подборков, гадит на белые кресты, поставленные геолодами на скалах, считает их, потом говорит: — Бетон ложится нормально. Скала там некрепкая. Бухтунт. Выбирать надо.

«Выбирать» — это вооружается отбойными молотками, ломана, кулдавана, лопатана и битана, битана скалу.

У меня получается с отбойным молотком, потому я его не отдаю никому, орудуя им. Алексей с прижимом и с прижимом лещет кулдава. Иван подкалывает в узкие щели приямки олова, а Володя скребет опалубку. Причаево: Володя на меня тука который раз подгадывает с завистью, потому что отбойный у нас в блоке один, он вытравит ладоню со лба пот и кряхтит с досады, напирая на черные лопаты. Я склеиваюсь и мываюсь с мылом. Володя веселит и строчит без разбору.

— Ты с толком бей! По звуку чувствуешь, куда — шумит Алексей.

Я делая скребок двадцать опалубки, и у меня тоже, как у Володи, молнет лод и на бровях виснет пот. Ширнеть, чтобы поддеть лопую опалубку, а она, лопата, — раз! — и уперст по что-нибудь острым и не движется. Ширнеть еще раз, а она в другой какой клан, торшадит под мальною, уперст. Пот тут прошибает не оттого, что тяжело, а от неопределенности. Напрямши глазами захватить столько, а захвативши пальцы мываю или вовсе ничего не захватывши. Я слышала да-то, что и вперние однажды обещание на протяжении двух или трех дней прогнывали яблоко. Когда обещания готовилось его взять, яблоко убирали. В конце опыта у обещания развивался типичный. И про себя умоляю: как бы у меня не вышла гипертония. Мой невольный овладевает злоба, я терню сложившие движеньи и стою лопату нервно, рыкаями. Володя одним глазом косит на меня, а когда я выпрямляюсь, чтобы сползнуть, он покривляет.

— Что ты? По-быстрому, по-быстрому!

Часа через два приходит инспектор-геологист, человек в синих штотах. Лаза на четвереньках, он постукивает по скале молотком. Я еще не совсем научился улавливать по звуку, когда бухтунт, а когда не бухтунт, поэтому оинте люблю за Иваном. Когда человек в синих штотах наконец доходит до края и поднимается, Иван выдыхает с легкостью:

— Не бухтунт.

— Да, не бухтунт, — подтверждает человек. — Промейте и мойте бетонировать.

Теперь я знаю: по этому звуку, по «бухтунтн», безошибочно можно определить, найдена ли скала, но прорвется ли сила Висней. Володя торжественно захватывает планы, ходит с ними и понавляет. Мы прогнваем скалу трепанки и выкручиваем трапки над ведрами. Грыз влезла в поры скалы, и мы дескити раз трем молось трепанкой по одному и тому же месту.

— Да,— задумчиво тинет Иван, расквашиваясь с тряской в руке.— На Братской у нас тоже так же терли, но если...

Иван убегает и возвращается с другим планом и проволочкой.

— Дай-ка,— подходит он к Володе.— Дай-ка шланг свой.

— Чего? — подозрительно настораживается Волода.

— Да отдам я тебе, отдам,— успокаивает Иван.— Дай.

Иван сшивает оба шланга вместе и вляет Володе:

— Слетай, подожди там воздуха.

— Зачем?

— Тебе говорят, подожди.

Через минуту вода в воздухе, смешанная вместе, белым туманом струей ударяют в скалу и как бы высверливают ее по поре все, что туда набилось. Волода гаснет лицом: ему не по себе оттого, что придумал такую ловкушку и нехитрую штуку не он, и бурлит:

— Ну, ладно, давай, я буду работать.

Иван стоит, смотрит, как действует Волода, задумывается, очевидно, что-то еще соображает.

— Только что ушла комиссия, принимающая блок, скажи:

— Добро. Через сорок минут пойдет бетон.

«Добро» — это высшая оценка нашего трехдневного труда, творческого труда, заключавшегося в выворачивании кусков скалы, в скрежете лопат и лезвий на четверных скалах с мокрой тряской. «Добро» — это оценка радует нас и влечет утомляет: хочется расслабиться и по сидеть в таком состоянии все же бесконечно долгие сорок минут, за которыми начнется прыжки и трясение. Это наступит так неожиданно, через сорок минут! А сейчас можно, опустив руки, ни о чем не думать ни думать, о чем само собой думается, как во сне, и сидеть целых сорок минут.

Молчим. В трубки отбойной молотка, что лежат на блоке, свистит ветер. Скала под ногами цвета ржавчины тускнеет, отдавая воздуху влагу. И вдруг...

— Воа! Воа! — кричит кто-то.

И вскакиваю. В нижней части блока кружатся золотистый вихорь фонтана, меланхолично но уверенно наполняя водой низину.

— Вера! — Спокойно, товарищи. Без паники. Давайте вера.

Мы, тремя ведрами и спиной друг друга, устремляемся к месту аварии. Кто-то опрокинул ведро с водой Володи на голову, а Генка не рассуждая и сам раскинулся во весь рост в луже, окутанный с головой.

— Спокойно, товарищи. Спокойно! — Алексей, опередив нас, становится с ведром у того места, где только что кружилась тенью заветная вихорь и где сейчас вместо этого волоча не менее злоеверно ворочается что-то матовое, бурля всю поверхность разрастается лужи. Похоже, что там, под водой, бегает огромная невидимая змея.

Через минуту мы — цепь, и по этой цепи в оба направления летят ведра.

В блоке появляется прораб Астафьев. Он сообщает, что Енисей подминается: где-то в верхнем, в горах, пропала порывная дожде, и река дуется.

Так вот в чем дело: Енисей вздымается выше того уровня, на котором работаем мы, и вода по огромным далинам пробивается к нам через скалы. Становится всякой неуточненной требовательности комиссий, принимающих нашу работу. Если сейчас, подынявшись всего на

каких-нибудь метра полтора, вода прошибла скалы, то колова же будет ее пробивная сила, когда она взрывается на сто с лишним метров!

Астафьев становится в цепь. Очки его слетают. Он ловит их и сует в карман, а сам не выходя шурится. Однако хватает без промаха. Ведро точно бьют. Туда — отпадают ружья, оттуда — несомые. Туда — отбивают ружья, оттуда — несомые. Туда — оттуда. Туда — оттуда...

— Насос принесли! Насос был! — кричит Геночка.

Ему никто не отвечает. Чего зря болатся: насос! Вот-то за опалубкой вытиснута левая машина с дымчатым бетоном в железных кузове, за насосом еще — туда-то идет ладо, откуда-то снимают, а потом устанавливает насоса.

Нам надо опередить поступление воды. И мы немедленно: каждую секунду отвярнув у фонтана ведро воды. Таким образом, из-то скалы идет поток толщайшей в черенок лопаты, а от скалы через нас, через блок, через опалубку стрелится поток вторю мошине. Но стоит нам чуть замешкаться, как фонтан снова закатывает нас. За опалубкой тревожно сияют машины.

— Вы с ума сошли! — вваливаются шоферы. Вада у них не менее испуганный, чем у нас: они догадываются, в чем дело и что мы даже не собираемся опровергнуть их машины.

— Вы понимаете, через десять — пятнадцать минут бетон зубами не отдарится! Пробежит вынуть нам окончательную оторосительную молоденький шофер с золотым зубом.— За это же под суа...

Мы понимаем, очень хорошо понимаем.

Золотой зуб прыгает вперед своей осей и дактило предлагает:

— Да вывалите на отвал, чего там. Я вваливаю. Что он стоит Конейка из такой стройки...

Варут золотой зуб осекает и растерянно раскрывается, точно курица, так как перед его носом оказался черной просяной рыжий кулак величественно с полметраю янку.

— А это что стигт конейка! — спокойно спрашивает сосед золотозуб, широкоулытый усталый татарин.

Появляется начальник участка Гадул. Умы глаза его настолько-восприснимаемы. При Гадуле нам почему-то становится спокойнее. Его массивные формы так и отдают благодушьем и нетерпеливой разумительностью, и мы привыкли замирать у него уравновешенности духа. Весь наш первый участок, если глядеть со стороны, — это сплошная спешка, неожиданные прорывы, непредусмотренные препятствия, кто хохлит здесь лопка не кто-то, а сам Енисей, мильяонны лет не знавший никакой степенности, а тут пришли мы и вываливаем на него, воленого старика-ботатры, камешный вояк: погоняла да подальжания этого пося по гадул. Ну, как тут быть спокойной, размеренной обстановке? И лишь неторопливое вынаживание Гадула по объекту, то, как он отдает приказания прорабам, как разговаривает с экскаваторщиками, бульдозеристами, шоферами, взрывальщиками, кладовщиками, бетонщиками, плотниками,— все это притормаживает дерганой обстановке, вносит в эту обстановку дух какой-то нетерпеливой уверенности, что там, там мы вывалим, а Енисей опонем. И нам нравятся в трудные минуты видеть возле себя Гадула. «Что бы ни случилось, а Енисей опонем», — тверже думаем мы.

Мы знаем, что нам нужно сейчас делать: выбрать воду и плавнеть на фонтан кубика дна бетона. Конечно, всю воду вычерпать невозможно, но надо вычерпать ее до тех пор, пока возможно.

Над нами нависает бада; ее движением руководит сам Гадул. Бада ниже, ниже, а мы не бежим, лишь чуть раздвигаемся. Алексей, согнувшись так, что верхняя часть его туловища перпендикулярна нижней, полог на стаяк с двумя беспрерывно машущими рычагами. Черная, черная, черная...

Разойди-ка-ись! — слышим глухой толос Гадула.

Мы мгновенно отскакиваем, и в тот же миг туда, где стоял Алексей, с шепалом падает черная масса. Но в чем дело? Бетон вдруг перестает вываливаться, встрывает. Бетон уже успевает схватиться, чего так боится золотозубый шофер. Но схватился бетон не в кузове, а в баде.

Вибратор сода! — командует Гадул.

Иван торчится с вибратором, упирает его в укол бады и тянет плуеметную туду.

Фонтан между тем разрушился. Лепный на него бетон и растеет с боковой силой, чем превратит.

Мы — ошн-чеп. На это раз вместо Алексея успевае занять положение согнутого станка с двумя мотающимися рычагами Володи. Черная, черная, черная... Ведря летят, летят, летят... И успеваю заметить в ведре свое отражение, жидкое и испуганное. Бетонщина Оля прикусила губу так, что у нее побелела весь подбородок. Это видит Геночка и ловко и незаметно оттарает Олю изчмом, пропослет ведро и на Оляном участке и на своем. А Иван строчит, строчит, наваливает до синевы в губах на ручку вибратора. Наконец-то бада ше-дасидея, как-то по-ложному выждает и разом выплывает все то, чем она подалась. Волода успевае отпрыгнуть. И обреченный бада качается на тросах и все еще дрожит от обрушения на нее Иваном дескток тысяч урабо.

Пробона забита навечно. Сейчас бы тырсить дух, но куда там! Из-за моей синивы вымывает вторая бада.

— Тришма-а-а! — шумит помощник кра-ношника.

Повисает третья бада, чертвтая...

— Без паники, товарищи, спокойно.— Над мом укол толос. Алексей: — Толс, с той стороны заложил, синув заложил.

Я опашаю мые глазами, не пойму, с какой стороны и в каком углу начинать. Не пойму, с какой стороны залетает эти бады. Волода у синивы мотит ног члеть вибратор и отталкивает меня синивою.

— Мы, брат, на Урале, в Привоете... Не то было...

А девять вибраторов, будто переишнувшись между собой, одновременно выкалывают в бетон. Да, теперь уже ясно — Енисей садлся. Ему не проваться сюда, и сейчас он тесно ворочается где-то, прилаживаясь к каменному посяу.

Деять вибраторов выталкивают в толщу бетона. Один из них мой. Сейчас я думаю о том, чтобы не вылезти из общего ритма. И еще о том, какую неизмеримую радость приносит моему душе малейшая побода в труде. Сейчас я наполнен этой радостью...

А вилу — Енисей. Он дымится, пенится, неистово кидается на бурые скалы.

Иван, зная, что там, там в скалах, идут машины с бетоном. Идут и идут.

Строительство Красноярской ГЭС.

Футбол

КТО ЛИДЕРЫ?

Действительно, какие из наших команд стоит считать лидерами советского футбола? На этот вопрос, пожалуй, можно ответить, исходя из успехов того или иного колллектива...

Титул чемпиона страны разыгрывался 23 раза. При этом наибольшее число побед добились столичные динамовцы. Они были чемпионами 5 раз. Кемогити отстали от них по числу чемпионств на 7 раз. Пять побед у футболистов ЦСКА. И, наконец, по одному разу звание первой команды завоевали столичный торпедовцы и динамовцы Киева.

Кубок СССР разыгрывался 20 раз. Причем здесь лидерство захватили московские спартаковцы, ставшие обладателями приза 6 раз. За ними идут футболисты ЦСКА (4 победы) и столичные торпедовцы (3 победы).

Дважды почетные призы владели динамовцы Москвы и столичный «Локомотив». И по одному разу Кубок завоевывали ленинградский «Зенит», киевские «Динамо» и «Шахтер» (Донецк).

А теперь путем простого сложения можно выявить и абсолютных «лидеров», которых можно смело назвать лидерами советского футбола. Кто же они? Это столичные коллективы «Спартак», «Динамо», ЦСКА и «Торпедо» у спартаковцев в сумме 13 побед, у динамовцев — 11, у ЦСКА — 9 и у «Торпедо» — 4.

АПЛОДИСМЕНТЫ—СУДЕЕ!

Судья — тоже участник футбольного матча, и неважелейший от его авторитета и его квалификации зависит, будет ли παιχνίδ по-настоящему спортивным или нет.

Один из центральных матчей дореволюционной России. Игроки сборные Ижевск и Петроград. И играют нервно, резко, подчас грубо. Судья то и дело штрафует футболистов. Не помогает. Как бы? Виде составные может превратиться в настоящие побоища.

Тогда судья в середине тайма дает сигнал и приказывает командам идти в развалку. Зрители недоумевают. Что будет дальше? А судья тем временем отчитывает грубиянов. Потом он снова выводит команды на поле...и о чудо! — футболисты неузнаваемы; они теперь играют корректно, ведут себя выдержанно.

Тепе поступил однажды популярнейший судья Иван Севостьянов. После матча зрители от души аплодировали ему за выдержанность и прекращение судейства. А этот случай произошел в Англии. Проходил решающий матч на Кубок страны. На последних минутах — гол! Судья засчитал его. Потом уже дома, продавая все детали, судья попеню он ошибся, гол был забит из положения «вне игры». Как поступит? Судья пишет заявление в ассоциацию футбола. «Я ошибся... Матч должен быть перенесен!»

матч был перенесен. Причем по просьбе обоих соперников судья его тот же судья.

Тепе поступил англичанин Джон Герт. Зрители аплодировали тогда ему за его честность и принципиальность.

Два случая, рассказанные нами, весьма знаменательны. Они учат всех судей быть решительными и принципиальными.

Выразительные цифры

Цифры подчас говорят о многом... что же могут они рассказать о нашей сборной?

Ну, хотя бы о том, что сборная СССР началась с 1922 года (когда она провела свой первый официальный матч) — выступила в 56 встречах с национальными сборными командами 24 стран, обыграла в этих встречах — 44 победы, 11 ничьих и 11 поражений при соотношении мячей 161:61, что не, показател, как видишь, весьма неплохой!

Добавим, что с десятью из пятнадцати своих соперников по чемпионату мира сборная СССР уже встречалась. Мы пока выигрываем у следующих команд:

- Аргентина — 2:1 (1 победа, 1 ничья),
- Болгария — 9:4 (3 победы, 1 ничья, 1 поражение),
- Венгрия — 8:3 (3 победы, 2 ничья, 1 поражение),
- Уругвай — 7:1 (2 победы),
- ФРГ — 7:4 (3 победы),
- Чехословакия — 8:2 (3 победы),
- Чили — 1:0 (1 победа),
- Югославия — 9:9 (2 победы, 1 ничья, 1 поражение),
- И только с двумя будущими противниками показател и нас отрицательные результаты.
- Бразилия — 0:2 (1 поражение),
- Англия — 4:8 (1 победа, 2 ничья, 1 поражение).

А кто из футболистов особенно отличился в нашей сборной?

В первую очередь это пять спортсменов, награжденных недавно золотыми медалями за выдающиеся спортивные достижения. Игорь Netto, сыгравший за сборную 56 раз, Лев Яшин, защищавший ворота сборной 48 раз, Валентин Иванов, выступивший в 41 поединке, Анатолий Ильин, выходящий на поле 35 раз, и Юрий Войнов, проведший 22 встречи.

Среди этих игроков оказались и самые грозные бомбардиры советской команды: Иванов, забивший 16 мячей, и Ильин — 15 мячей. Следом за лидерами идут Виктор Понедельнин — 12 голов, Никита Симонян — 10, Сергей Сальников — 8, Слава Метревели, Борис Тетухин и Анатолий Исеев — по 6, Всеволод Бобров — 5. Интересно, что капитан команды 1952 года Бобров выступил за сборную всего трижды. А забил пять мячей!.

СНОВА ПРИШЛА ПОРА ФУТБОЛА И БОЛЬШИНСТВО СЕЧАС МНОГО ЗАБОТ. КАКИЕ МАТЧИ ОЧЕРЕДНОГО ЧЕМПИОНАТА СТРАНЫ, ЧТО ТО СУДИТ О НАШИМ СИЛЬНЕЙШИМ КОЛЛЕКТИВАМ? УДАСТСЯ ЛИ УКРАИНСКИМ ФУТБОЛИСТАМ ПОВТОРИТЬ СВОЮ ПРОШЛОГОДНЮ ТРИУМФ, ИЛИ ЖЕ ТИТУЛ ЧЕМПИОНА И ХРУСТАЛЬНЫЙ КУБОК ВОЗВРАТЯТСЯ В МОСКВУ ИЗ ЭТОМ УНАИВА ОСЕНЬ. А СЕЧАС СЕЧАС БОЛЬШИНСТВО ОЖИДАЮТ ИНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ. ВЕДЬ ЗО МАЯ В ЧИЛИ НАЧИНАЕТСЯ БИТВА ШЕСТНАДЦАТИ ЛУЧШИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СБОРНЫХ КОМАНД МИРА. БИТВА ЗА ОБЛАДАННЕ «ФУТБОЛЬНОЙ КОРОНЫ», СРЕДИ ПУЩИХ — И НАША СБОРНАЯ. ПУБЛИКУЕМАЯ НАМИ ПОДБОРКА ЗАМЕТКО К ФУТБОЛЕ ПОПАМИНТИ ЧИТАТЕЛЯМ ОБ ИСТОРИИ ЭТОЙ ПОПУЛЯРНОЙ ИГРЫ, О ЛУЧШИХ СОВЕТСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ МАСТЕРАХ ФУТБОЛА...

Наши снайперы

Разные существуют рекорды. Футбольные болельщики, например, ведут своеобразный учет всех мячей, забитых нашими лучшими форвардами. Спросите их, и вы узнаете, что самые результативные нападающие во всех первенствах страны показав себе Александр Пономарев, именитый в начале карьеры командой московского «Динамо». Но если учесть и мячи, забитые в играх на Кубок (не считая давней международной встречи) — то тогда на первое место выйдет Никита Симонян, тренер столичного «Спартак»...

Но сейчас разговор о миниминим снайперах. Кстати, напомним, что рекорд мячей, забитых одним нападающим в играх одного чемпионата страны, принадлежит тому же Симоняну. Он довольно солиден: 34 мяча забил спартаковский бомбардир в матчах первенства 1950 года. В последних сезонах к этому рекорду не смог приблизиться ни один форвард. Так, в сезоне 1960 года больше всех мячей забил «Томский Заур Каюев» — 20. В прошлом сезоне сезоне лавры лучшего бомбардира перешли к тобольскому Геннадию Гусарову, забившему 22 гола.

Приведем десятку наиболее метких форвардов чемпионата страны 1961 года: 1. Г. Гусаров — 22, 2. Г. Косинский («Пахотанор») — 20, 3. В. Воронцов («Локомотив») — 19, 4—5. В. Ивлевский («Динамо», Киев) и А. Мамкин (ЦСКА) — по 18, 6—7. И. Числино («Динамо», Москва) и С. Каюев («Кайрат») — по 15, 8—10. 3. Каюев («Динамо», Тбилиси), Р. Хусанов («Спартак», Москва) и Ю. Захаров («Шахтер») — по 14. Своеобразный рекорд установил и юный Владимир Федотов из ЦСКА, сам популярнейшего футболиста прошлого Григория Федотова. Он выступил в 12 матчах (примечание: во всех играх по 90 минут) и сумел забить 10 мячей (то есть в среднем по мячу почти в каждом поединке).

Знаменитые вратари

Кто они, самые знаменитые в мире футбольные вратари?

Если обратиться к прошлому, то наверняка придется вспомнить испанца Рикардо Замору и чеха Франтишека Планау. Звезда Замору яро блистал на футбольном небосклоне в двадцатые годы. Испанская новадна, в которой он выступал, не отличалась особенно высоким классом. Однако победить ее было нелегко! Замору играл блестяще, выходя победителем. Назалось бы, из самых сложных полений... Взять хотя бы матч олимпийского турнира 1924 года Испания — Италия. Испанцы были новичками, а итальянцы — общепризнанными фаворитами. Но счет до последних минут оставался 0:0. «Пробить» Замору, казалось, невысильно!

И тут случилось нечто трагичное. За мору снова отбил безраздельный мяч, но его вратарь Валлоно в пылу борьбы забил гол сам себе...

Планау как бы принял эстафету от Замору. Расцвет его таланта относился и тридцатые годы. Вспомним первенство мира 1930 года. Чехословакия — вторые призеры! И пришло всего благодаря превосходному мастерству Планау. А чемпионат мира 1934 год! Тут особый амплоаж вызвал поединком Бразилия — Чехословакия. Эта встреча стала «лебединой песней» Планау (после этого он не выступал за сборную). Но что это был за матч! В разгар борьбы Планау сильно ударился о штангу. С трудом поднялся вратарь на ноги. Рука мила. Лицо неказлось от боли... Но Планау не покинул поля. Он блестяще отстоял матч вместе с дополнительными вратарями. Лишь после составления все узнали, что чехословацкий вратарь играл со сломанной рукой...

А кто сейчас унаследовал славу лучших вратарей прошлого? Тут двух мнений быть не может. Это наш советский вратарь Лев Яшин. Уже на первенстве мира 1950 года он был признан одним из лучших вратарей за всю историю спорта. В последующие годы наш страж ворот играл не менее блестяще. Выступы советских футболистов Кубок Европы, триумфальная поездка по Южной Америке — какой огромный вклад в эти успехи внес Яшин! Не случайно французский спортивный журналист Ф. Ушо писал: «Можно утверждать, что сильнейшим игроком сборной СССР является Яшин. Этот поистине бесподобный футболист обладает необыкновенно тонким футбольным чутьем».

Да, Лев Яшин сейчас вратарь № 1 во всем мире. Это признается всеми.

О ДИНАДЦАТЬ КАПИТАНОВ

Нет, не легко удостоиться чести стать капитаном сборной команды страны... Ведь капитан — это не только отличнейший игрок. Это первый помощник тренера. Это спортсмен, непосредственно руководящий командой на поле.

Однажды футболисты заслужили право вывести на поле сборную команду СССР. Первым ее капитаном был Михаил Бугуев — сильнейший форвард, лучший бомбардир двадцатых годов. Затем капитанская палуба перешла и другим — Ленинградцам П. Филиппову, П. Грингореву, П. Батыреву. Самым популярным из них стал Павел Батырев — лучший центральный полузащитник того времени, исключительный тактик и стратег.

Да, капитаны всегда были сильнейшие игроки. От Ленинградцев это почетное звание перешло и москвичам. Первыми среди футболистов столицы нашу сборную возглавили братья

Николай и Александр Старостины. В них вряд ли можно было говорить о семье Старостиных была и остается самой знаменитой футбольной семьей...

Но волевым сборную последних лет. Кто был капитаном? Всеволод Бутов руководил командой на Олимпийских играх 1952 года. Потом капитанство перешло и Анатолию Башкину — нашему лучшему центральному защитнику. После этого сборную возглавлял Григор Нетто, самый техничный и умелый из наших футболистов. Нетто до сих пор остается капитаном сборной СССР. Правда, во время болезни Нетто его замещал Никита Симонян и Валентин Бубуин — тоже превосходные мастера-футболисты.

Итак, однадцать футболистов удостоились чести быть капитанами команды СССР... Интересно, кто станет двенадцатым капитаном нашей сборной?

Большой умер. Смерть наступила, несмотря на все усилия врачей спасти человеческую жизнь. И лишь после выяснилось, что его лечили не от той болезни, которой он болел. Ошибка в диагнозе оказалась роковой. Удар был нанесен с той стороны, откуда его никто не ожидал.

Винуют ли в случившемся врач? Далеко не всегда. Дело в том, что часто симптомы одной болезни так совпадают с другой, что нередко даже опытный врач, сопоставляя результаты анализов и различных исследований, терзается в догадках...

Но если биологи и медики сделали, особенно в последнее время, столько чудесных открытий, проникли в мозг, в сердце человека, если наука стоит сейчас на пороге тайны шифра жизни и, видимо, недалеко то время, когда мы научимся не только управлять наследственностью, но и создавать новые виды растений и животных, неужели проблема диагностики все еще не решена окончательно?

С этим вопросом я отправился в Ленинград к доктору медицинских наук профессору Евгению Алексеевичу Селькову. О его исследованиях и открытиях я много слышал от друзей. По их рассказам, работы действительно интересные. Особенно своими практическими перспективами. И не надо быть врачом, чтобы оценить открывающиеся возможности.

Однако меня одолевали сомнения: не простая ли это сенсация, которая отзвучит и на следующий день будет забыта? Так ли уж вероятно, что ленинградскому ученому удалось проникнуть в тайны живого организма, за кулисы разрабатывающейся в нем традиции и узнать предначертанную развязку, узнать и вмешаться, поломать весь ужасный сценарий? Ведь это чуть ли не вопрос вопросов медицины — предупредить болезнь.

И все же мне хочется верить, что все, что я слышал о работах профессора Селькова, — действительно крупное открытие в современной медицине, сделанное на стыке двух наук: биологии и физики.

Времена узкой специализации наук, времена, когда каждый колдовал над своей колбой, не заглядывая в колбу соседа — а нет ли там чего подходящего? — давно прошли. Индивидуальные колбы исчерпали свое содержание, и ученые стало ясно, что следует искать новые возможности в смежных науках. Так появились на свет гибридные науки — биофизика, биохимия, физическая химия и т. д. Математика со своими методами точной науки вторглась во владения биологов и медиков. Появилась кибернетика. Появилась бионика. А ведь кибернетику долгое время всерьез не принимали (да и сейчас кое-кто пытается ограничить сферы ее применения). И может быть, потому, что она коровила вмешаться во все науки — от возникновения до ядерных реакций, объяснить и подчинить все и вся законам управления природными процессами и, мало того, пытается воспроизвести саята святых — деятельность человеческого мозга. Как бы там ни было, но давно стало ясно, что, скорее, медицина как наука замкнулась, какой она была тысячелетия, в наши дни перестала существовать.

И почему бы в таком случае не предположить, что настанет конец и тем временам, когда врач беспомощно стоит у постели больного, сознавая, что пришел слишком поздно? Почему бы не поверить в то, что уже создана специальная радиоэлектронная аппаратура, способная распознать заболевание в самом начале его развития? Ведь рентгеновский луч давно помог врачам заглянуть во внутренности человека, ведь биотоки сердца позволяют нам более точно судить о его жизнедеятельности, чем простое прослушивание пульса. А ведь и то и другое — достижения физиков в применении к медицине.

Скептические сомнения в наше время весьма опасны. Даже иррациональные затрудняются в подсказании. Сомнениями же открываются таятся нередко там, где, казалось бы, ясно бесперспективность исследований. Путь науки становится все сложнее, и скептики должны вести себя крайне скромно.

Евгений Алексеевич Сельков — человек пожилой, но весьма подтянутый и крепкий, с приятливым лицом и добрыми, мягкими руками. Как и все щедро одаренные люди, он быстро расположил меня к себе, и вскоре мы беседовали, будто давно знакомы. Мы встретились в здании «главного штаба» — чудесном произведении России на Дворцовой площади, где прежде было городское управление милиции. Теперь это огромное здание предоставлено научно-исследовательским и проектным институтам с их лабораториями и конструкторскими бюро. Здесь я расположился и Ленинградский филиал Всесоюзного научно-исследовательского института медицинского инструментария и оборудо-

вания — недавно открывшаяся в Ленинграде научное учреждение.

Евгений Алексеевич — горячий энтузиаст нового дела. У него масса идей.

— Я мог бы предложить сколько угодно тем. И все реальное, — полусерьезно говорит он, провояка меня по отделам и лабораториям, знакома с инженерами и научными сотрудниками. — Однако надо и честь знать: теперь людей с идеями много, и все стремятся как можно скорее продвинуть их в жизнь, передать свои открытия в больницы, врачам.

Вы, конечно, обратили внимание, — продолжает Евгений Алексеевич, — что в основе идеи XXII съезда партии, принятой им Про-

граммы лежит мысль о благополучии человека. А ведь это, в конечном итоге, сводится к состоянию здоровья народа. Так во всяком случае мы, медики, воспринимаем решения партии. Это, может быть, этакое профессиональное понимание, но, студите сами, иначе получается несколько отвлеченный, абстрактный подход в определении собственных задач, своего места. Вы меня понимаете?

Евгений Алексеевич говорит о медицине, а я вижу вокруг людей, коты и одышки, подобно врачам, в больные халаты, но занимающиеся чисто инженерным делом,—конструкторов у чертежных кульманов, инженеров в лабораториях, где столы тесно заставлены сложной радиоаппаратурой, органы сепию проводов. И среди массы контрольных и измерительных приборов на столе инженера Людмила Бобковой — маленький, похожий на примитивный радиоприемник диалектометр, или радиоклассификатор профессора Селькова — «электронный врач».

И тогда я снова возвращаюсь мыслям к тому, что находится в медицинском учреждении, что меня окружает техника, проникающая в медицину, и врачи, занимающиеся не только

— Да, вы правы,—поддерживает меня Евгений Алексеевич.— И мало того. Сейчас обсуждается проект об открытии в медицинском институте инженерного факультета: возникновение новых направлений в медицине требует и новых специалистов.

В чем же смысл открытия, на основе которого разработан метод ранней, или как его называют иначе, опережающей диагностики? И как выглядит этот метод?

Еще в двадцатые годы доктор Сельков задумал над странным обстоятельством: различные болезни в представлении тогдашней медицины были как бы отделены друг от друга каменной стеной, и между ними не удавалось обнаружить никакой вещественной связи. Молодой ученый, мышление которого было воспитано на диалектическом методе, не мог примириться с таким взглядом и приступил к поискам единого механизма заболеваний. Вместе с кандидатом технических наук инженером Иваном Ефимовичем Балыгиным он решил перенести методы физического анализа молекулярной структуры веществ на живую организм.

Сельков был убежден, что всякая патология организма так или иначе связывается на белке, должна вытекать перестройкой молекулярной структуры белка. (Вспомним мысль Энгельса: жизнь — белок, а основа развития живых организмов — противояречия.) Исходя из этой предпосылки, врач и физик вместе начали работать над созданием аппарата для определения диалектической проницаемости биологических жидкостей.

Принцип работы этого прибора основан на особенностях распространения радиоволн в различных средах. И если прохождение электромагнитных волн в воздухе принять за единицу, то в различных жидкостях, скажем, в сыровотках крови, распространение эти волны будет, очевидно, отличаться, и в каждом случае по-разному. Как?

Для выяснения этого коэффициента Сельков и Балыгин сконструировали аппарат — небольшую примычно-передающую радиостанцию, в которой радиоволны проходят через исследуемую биожидкость — диалектометр.

Шли годы. Проводились сотни опытов, создавались новые и новые конструкции прибора, менялись, улучшались его электрические схемы, но сколько-нибудь существенных результатов получить не удавалось. Не удавалось установить закономерности, различий между больными и здоровым организмом. Было совершенно ясно, что молекулярная структура сыровотки крови под влиянием болезни меняется. Но как? Видимо, надо знать, какова она была до болезни? Какие изменения она претерпевает?

Потянулись долгие месяцы размышлений и раздумий. И, как всегда, когда бывало трудно, когда поиск, казалось бы, заходил в тупик, Евгений Алексеевич обращался к философским книгам. Они вводили мысль в область абстракций и обобщений, они учили думать спокойно и сосредоточенно, сопоставлять факты, объяснять среди массы явлений общую связь, и возвращаться снова к собственному опыту. Перелистывая работы античных философов, Сельков снова наткнулся на мысль Герачита о том, что первопринцип мира и всех процессов, протекающих в нем, есть огонь и что все испытывается огнем. Мысль этого древнего материалиста звучит в наше время наивно, но она почему-то запала в сознание исследователя. Все от огня, все испытывается огнем.

А что если испытать огнем сыровотку крови, то есть подвергнуть ее легкому прогреву в водяной бане? А другой образец той же сыровотки не трогать, оставить нативной — так, как есть? А потом сравнить их. После долгих опытов был найден оптимальный режим прогрева.

И тогда ученый встретился с таким явлением: исследуя два образца сыровотки крови одного и того же здорового молодого человека, выяснил, что молекулярная структура одного препарата резко отличается от второго. У старого человека эта разница значительно меньше. Если же в результате длительной и тяжелой болезни структура молекулы белка приобретает стойкие изменения, то прогресс ее не дает существенного отклонения.

Дело в том, что, как выяснили Сельков и Балыгин, молекулярная структура белка сыровотки крови меняется с возрастом и с заболеваниями. Причем чем серьезнее и длительнее болезнь, тем структурные превращения, результаты этих изменений устойчивее. Разумеется, разные заболевания по-разному связываются на структуре молекулы. Следовательно, если изучить эти превращения, выяснить степень изменений и их стабильность, можно судить о состоянии организма, о том, здоров ли он или болен и чем болен. И, мало того, можно обнаружить заболевание даже в самой начальной стадии его развития.

Эти повсюду открытые, известные под названием «эффенена Селькова» — Балыгина. Оно было сделано в 1936 году.

— Я еще перед войной написал докторскую диссертацию по этой теме, но так и не защитил ее,—вспоминает Евгений Алексеевич.— Представьте себе, не нашлось оппонентов. Медики пеняли на физиков, а физики говорили, что они в медицине ничего не понимают. Биофизика тогда переживала эмигрантский возраст. Пришлось написать другую, чисто медицинскую.

О дальнейшей судьбе своего открытия автор рассказывал не слишком охотно. «Весь вечер мы не спеша гуляли по Ленинграду. Мягкий, теплый снег падал, ледяно укладывался в стурбои, выстила асфальт скрупулосой подстылкой и таил под колесами автомобилей.

Я люблю бродить вечерами по этому большому городу, люблю рассматривать старье и очень знакомые, кажущиеся даже одинаковыми фасады с низкими подворотнями и с несметным числом труб на крышах старых домов, люблю поочередно глядеть каналов и старый чугун оград, люблю делиться простор Невы и серую густую воду в проталинах и выдубленные ледоколами, вывершие обломки льда по всей реке. Я бываю здесь не так уж часто, и, может быть, поэтому город настраивает мои чувства на лирический лад, навеивает литературные образы из Достоевского, из Пушкина...

«Когда для смертного умолкнет шумный день, и на немые стогны града полупрозрачные наляжет ночь тень и сон, дневных трудов награда, в то время для меня влечется в тишине часы томительного Бельма...» Я знаю, что можно сплунуть ближе эти строки, и испытать напоминою о них. Я знаю, что ученый провел много томительных ночей, он шел по родному городу одио, шел тяжелой, изменчившейся походкой, шел, не узнавая улиц, не замечая прохожих... Было и такое время в жизни Евгения Алексеевича Селькова.

Он мне рассказывал, что родился в самом богатом месте России. Нет, не там, где создаются материальные ценности, или зарождаются научные идеи, или произведения искусства. Нет. Он родился во дворе банка Российской империи против золотых кладовых.

— Прочили, богатым буду.

— Он видел, как во двор вкатывались кареты, окруженные сердитыми и важными жандармами с шашками наголо, будто охраняли самого царя. Мальчик смотрел и не понимал: зачем царю столько золота? А дома взрослые говорили, что далеко в Сибири, где добывают это золото, царские солдаты по велеению Госудера стреляли в рабочих. И тогда мальчик возникал перед глазами золотые слитки. Он мучал устал в деревню, где за дядиной избой в банке стоял настоящий микроскоп, подаренный школьным учителем (единственный микроскоп на всю волость!), и рассматривать в него красивых бабочек, внутренности червей и лягушек, травинки и пестик цветов...

Он помнит революцию в Петрограде, помнит фронт против Юденича и физиками краснотельцами, которые сны, конюше-сингады, вызволив в переполненные госпитали, и себя в тифозном бреду. Он помнит энтузиазм сочи-

дания новой республики и радость первой научной диссертации. И когда разразилась новая война, он вместе с другими ленинградскими врачами-добровольцами ушел на призывной пункт.

— Снег все падает и падает. Евгений Алексеевич останавливается и снимает шапку. И я вижу, как сосредоточенность сменяется на его лице какой-то лукавой, надущей от озорства улыбкой. А хлопья снега оседают на голову — их совсем незаметно на его волосах — и капельками соскальзывают со щек. И улица наполняется вдумчивым шумом. И краски на фасадах домов становятся ярче, как в цветном кино. Тепло. Скоро весна.

— Что было дальше? Это не так уж важно. Я предпочитаю думать о том, что будет дальше, это еще можно сделать и в каком направлении должна работать мысль. Важно, чтобы в душе постоянно теплился огонек вдохновения.

— И, кстати, если не хотита, чтобы этот огонек угас,— общайтесь, мой друг, с философами. Они не только откроют вам тайны мышления и воспитают постоянную доброту думать. Они научат вас сортировать факты, отбирать главное и очищать его от шелухи...

Профессор Сельков и его сотрудники инженеры Людмила Бобкова и Валерий Соколовский. Творческие споры вокруг диалектметра не редки в их совместной работе.

диагностике некоторых заболеваний центральной нервной системы, которые, как известно, представляют большие диагностические трудности. Это мнение разделяет и директор Психиатрической клиники 2-го Ленинградского медицинского института профессор Ф. Я. Гольд: «...Полагаю, что открытие феномена Селькова — балгигия имеет большое теоретическое и практическое значение для клиники душевных болезней».

Но диалектметра не осталось. Во время войны его вывезли из осажденного города, и он где-то затерялся. Уехал и соратник Селькова — инженер Балгигин. Многое нужно было начинать заново.

Я не буду утомлять читателя подробностями теоретической биографии ученого. Вера в свою научную идею, умение отыскать единомышленников и сподвижников помогли Евгению Алексеевичу добиться успеха. Вместе с кандидатом технических наук Анатолием Сергеевичем Данским и электромехаником заслуженным «Красногвардейцем» Владимиром Исифовичем Иодасом он создает более совершенный прибор с иной схемой и проводит целую серию исследований, подтверждающих правильность идеи.

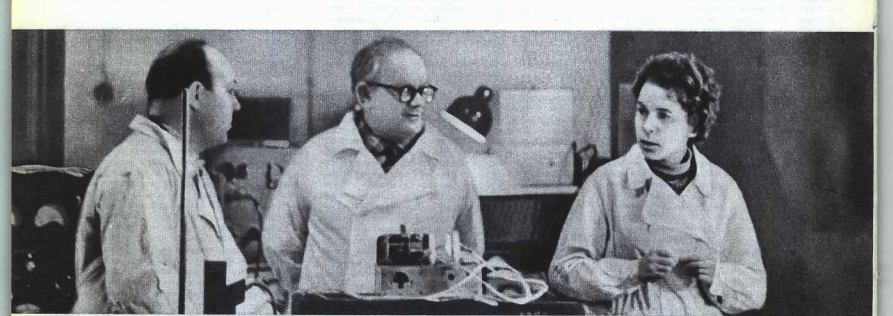
Одновременно профессор Сельков работает над тремя направлениями, ведущими к той же цели — опережающей диагностике.

Один из них — паразитозы, которые в отличие от обычного электрофореза дают не только количественный, но и качественный анализ белковых фракций, что является не-

предвидено заболеваний, которые человек переносит. Но ведь поскольку эти методы основаны на изучении свойств молекулярной структуры белка, а белок, как основа всего живого, имеется не только в организме человека и животных, но и в растениях, не значит ли это, что методы профессора Селькова применимы и в агрономической науке, в сельском хозяйстве? Евгений Алексеевич отвечает на этот вопрос утвердительно. Более того, у него есть некоторый опыт исследования заболеваний растений. Воспользовавшись им, агроном может установить, не заражены ли семена, не вырастут ли на поле больные всходы, не будут ли заражены в результате сева всходы все соседние поля? Значение имеет для урожая, и не только для урожая, но и для выведения хороших пород скота, для предупреждения инфекционных заболеваний животных.

В настоящее время в Ленинградском филиале ВНИИМИО, в лаборатории радиоэлектроники построен макет опытной конструкции диалектметра, и прибор передан в клинику на испытания. Конечно, сказать, как результат, пока говорить трудно. Известно, что путь любого открытия далеко не всегда бывает прямым даже на последних этапах. В институте продолжают готовить в текущем году 10 приборов, и, если все будет благополучно, чертежи передадут промышленности.

Ну, а дальше? Как быть с другими методами Селькова, с их дальнейшей разработкой? Ведь ВНИИМИО не может заниматься биоло-

На окраине Ленинграда, в старом парке, расположился корпус больницы и Института экспертизы трудоспособности (ЛИЭТИН). В лабораториях этого научного учреждения профессор Сельков возобновил свои исследования и в течение последних десяти лет работал над углублением метода, над совершенствованием прибора и накоплением фактического материала. Многое пришлось начинать сначала. После войны остались только ворох журналов с научными публикациями и отзаны ученых.

Известный околос, член-корреспондент АН СССР профессор И. Н. Петров писал: «...Я успел убедиться в том, что получаемые этим методом данные, помимо их теоретического интереса, могут иметь совершенно реальное практическое значение, являясь дополнительными диагностическими указателями наряду с другими клиническими данными, получаемыми при изучении раковых больных. Эту свою точку зрения профессор Петров позднее подтвердил дважды. Другой крупный ученый, директор Ленинградского онкологического института профессор А. Л. Поленов, имея в виду свою область медицины, заявил: «...Практика применения данного метода физического исследования лимфы и сыворотки крови заставляет надеяться, что для нейрохирургии этот метод может иметь немаловажное значение в

сравнении более тщательным диагностическим показателем».

Другие два метода — исследование биожидкостей в магнитном поле.

Известно, что при каждом патологическом процессе белки вырабатывают шлаки — растворимые продукты обмена (например, холестерин, каротеновые вещества и др.). Эти шлаки в отличие от самой крови являются парамагнитными, то есть проницаемыми для магнитных волн. И вот если сыворотку крови поместить в магнитное поле, магнит как бы уберет, вытянет эти шлаки из сыворотки. Рассматривая в фазово-контрастном микроскопе препарат, подвергшийся воздействию магнитного поля, можно увидеть характерные для различных заболеваний зернистые образования, которые не видны в натуральной биожидкости. Профессор Сельков сделал более двух с половиной тысяч микророентгенов, он проследил характерные изменения белковых структур при семнадцати болезнях и составил альбом, пользоваться которым врач может по стандарту диагнозов.

И еще один метод — выяснение так называемой удельной магнитной восприимчивости биожидкостей на весах Гюи. Последний метод пока еще в стадии разработки.

Все, о чем говорилось выше, относится к исследованному организму человека, к преду-

гическим исследованиям, а для Института экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов, находящегося в ведении Министерства социального обеспечения, эта работа в некотором роде побочная. Видно, целесообразно было бы организовать какой-то научно-исследовательский центр — специальное лабораторию. Кстати, еще в 1939 году народный комиссар здравоохранения СССР издал приказ об организации в Ленинградском филиале Всесоюзного института экспериментальной медицины лаборатории под руководством Е. А. Селькова. Но война не дала разрешения работы.

Думается, что теперь и Министерство здравоохранения СССР, и Академия медицинских наук, и Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени Ленина должны проявить большую заинтересованность в работах профессора Селькова, в их дальнейшей судьбе.

Насколько лет назад я слушал беседу одного выдающегося ученого в области биологии с увеличением рисовал совершенно невероятные картины возможностей новой науки. Он говорил, что электронные машины могут не только выполнять, чуть ли не миллионно сложнейших вычислений, но научиться играть в шахматы, переводить книги с

други языков, сочиняи стихи и даже заменить крава. И если тогда машина-диалог воспитала присутствующих и мы представили себе, как это, видимо, сложно, но на невероятно, а машина-поэт, не просто рифмующая строки, но создающая эмоциональные поэтические образы, казалась то уже фантастикой, а такой страж к развалинам приник, и тени кружатся, край горы очертил, и ветер покружит чайки крик, дождь-мечтатель да угрюмый лотуха — это тот «кибернетический лотуха среди наших воробьянок», то уже реальная, лечащая людей, оказалась несбыточной фантазией.

И вот теперь, беседа с Евгением Алексеевичем Селькович, я подумал: ведь он рассказывает мне об электронике?

— Возможен ли электронный врач? Это, конечно, пока еще мечта, фантастика, — улыбается Евгений Алексеевич, и я улыбаюсь за его улыбку, мысль, которую он не хочет высказывать вслух.

Но, в самом деле, одна из наиболее сложных проблем, с которой встречается врач, — постановка правильного диагноза заболевания. Эту задачу ищет разрешить доктор профессор Селькович — электронный доктор. Значит, первый этап разрешен! Остается второй — назначение способа лечения. — Проблема, уже сейчас, — продолжает рассказывать Евгений Алексеевич, — лежит в области принципов создания нового в этой задаче нет. Существуют электронно-счетные машины, в которые так же, как и любые другие программы, можно заложить весь опыт и знания соразмерной медицины, опыт, который и наблюдает не один врач на приеме, и такая машина, сопоставив все диагностические данные, все «за» и «против», выдает рецепт лечения. А с помощью селковичского прибора можно еще контролировать ход лечения и внести поправки.

Я представляю себе умелого специалиста, читающего эти строки. Я вижу сияющую улыбку Евгения Алексеевича. — Если бы все это было так! — восклицает он. — Но ведь мы не предали еще порохи и микстуры от всех болезней! Не забывайте, что современная медицина, несмотря на колоссальные достижения, сама страдает от всех врагов человечества: многие болезни до сих пор не побеждены ею. И, может быть, одна из главных проблем, стоящих перед медиками, — проблема преждевременного износа организма — старость.

Я чувствую, что задал за самое сокровенное. О долготелии Евгений Алексеевич может говорить самолюбиво и убедительно, ведь его работа в конечном счете устроена по этой идее, или профилактика заболеваний — это предупреждение старости. Когда в нашей стране будет развернута сеть профилактических пунктов, когда врачи получат возможность следить с помощью диагностических приборов за состоянием здоровья своих пациентов, не допуская до болезни, предупреждая ее, будет сохранено здоровье, а следовательно, увеличится и продолжительность жизни. Наблюдая за работниками промышленности и методами, о которых я уже рассказывал, убедился ученого в этом. И я не побоюсь упрека автора в том, что я разбавляю его тайны, и называю еще одну проблему, о которой не удалось вступить в серьезное исследование и над которой он предполагает работать в будущем, — это «прививка долготелии». Но на эту тему Евгений Алексеевич предпочитает пока не распространяться.

Я пытаюсь возразить ученому. Мне кажется, что непропорционально в наше время отводится столь значительную роль в борьбе за продолжительность жизни людей таинственному. Видимо, вопреки моему мнению, существует социальная проблема. И это нашло отражение и выражение в Программе, принятой XXII съездом Коммунистической партии: значительное улучшение материального благосостояния народа, традиционное жилищное строительство, сокращение рабочего дня, повышение культуры и образования и, наконец, медицинское обслуживание.

Изложите в виду — отвечает мне ученик, — в коммунистическом обществе социальные прегрды на пути к здоровью и долготелии не будет. И проблема целиком ляжет на плечи науки. Следовательно, медицина не может прийти в коммунизм с пустыми руками.

ПРОБЛЕМЫ

Открытое письмо министру транспортного строительства СССР тов. КОЖЕВНИКОВУ Е. Ф.

Обращаясь к молодежи, Нинта Сергеевна Круглова не раз говорила, что ей предстоит разведать новые богатства недр и поставить их на службу советскому народу. Тысячи юнойшей и девушек нашей страны, не боясь трудностей, оставив обжитые места, отправлялись в тайгу, горы и пустыни — строить рудники и шахты, добывать нефть, обрабатывать непокорные руды.

Богатства недр? Руды, уголь, минералы — столько всего этого в нашей безбрежной неиссякаемой тайге! До чего безграничны запасы леса! Близко отстроилась несметные сокровища суровая сибирская тайга. Нелегко было найти их, но еще труднее оказалось взять, вывезти, отправить на заводы и фабрики. В условиях тесного бездорожья только на Байскй возмалкание назидание, как на могучую транспортную артерию. Но Байскй не справился, обширные края нужна была своя железная дорога.

И вот такая дорога строится. Она свилена Ачинск и Алабалоно. Потом алабалоно, груженые лесом, углем, рудой, пойдут по этой новой таежной артерии.

Смелые, мужественные люди строят эту дорогу. Они приехали сюда со всех концов страны. В большинстве своем — молодые, энергичные строители названа ударной комсомольской. Им, строителям, приходится так же трудно, как и первым землепроходцам. Но они не боятся трудностей, они гордятся трудностями и достигли славных представителей нашей молодежи.

Но трудности строительства, они преодолевали. Как-то раз мы ехали на автобусе по дороге, что построил этот комсомолец. Нашим попутчиком оказался молодой парень. Юрий Чащин, строивший крайнею транспортно-монтажную поазу. Он сидел у окна и ворчал: — Поезд, что ли, здесь? — Дельно да, севь — у черта на куличика! — Ехал бы да уехал, — сказал ему кто-то. — Ферма, что ли, здесь? — Уезжал. Но вернулся. Дело приняло до конца доходить. Тут почти наварил разес моиши руками уволен. Вот забьса сербыришталкы — и уезду. Потому что пропала она пропаганда такая работа! — Он помычал и продолжал уже спокойнее. Конечно, есть в нашей деле романтика. Наверное, она-то и держит людей. Но всякая она-то, романтика, должна быть подкреплена профилактическими поставили стациону Суринскую куть ли не в своем заблужденном сознании. Куть бы со старожитов подопытисья! Теперь журналисты пишут: «Венная тут и черту». Венная черту, — все-таки на болоте строится». Вот эту самую «проблему» строители омонки, а потому я и проинтервьюировал их вкратце сего.

Или вот с бетонными трубами, или у нас болото, — дождит, обильно льет, валит посылос зянтиратстация, бетономешалка, бетоноукладчик, бетонооборудование. А к чему это все? В Ачинске и недавно виден сборные трубы. «Простая! Привалил, свихотало, и все работало. Так и черт не мет, и приходится за десятки километров от железной стации, пешком черт не запряповертаете трубы из сборного железного зыной по всей трассе развезти и столкнуть спойбой монтировать».

Поможем, Чащин добавил, усмежившись: — Вот этот сборный железный бетонный кудла глаза глядет. А видь не слому. Делорный — даром строит! Венная черту, — за тобой по всей трассе вырастает болото, новые города, новая жизнь начинается».

«Сербыришталкы» комости, у которого упоминались, конечно же, Ачинск, но не Алабалоно, а Чиркеево-Сербыришталкы. Но для строителей железных дорог он дороже планов. Целью, к которой идет он, другой друг сидела. И когда встречался, тогда самый упоминаний молодой человек говорил: «Венная черту, — это венная зыбу труды. Этого молдия венду тышка людей, — это молдия молдия Ачинск — Алабалоно. А пока... Пока строители встретились на слете в Красноярске».

В своих выступлениях они как бы продлили мысль Юрия Чащина о том, что трудности строительства разны. Они выделяются необходимостью, другие — вызовом.

Почему на северной и центральных участках дорог в прошлом году механизаторы сидели на «глодом лайте» горючего? Почему разрешение самых небольших вопросов связано с волонтиот?

Почему по малому пустышкаю вопросу трудно совладывать непрерывно с Садомоском?

Почему что деятельность мехлондов на строительстве железнодорожной магистрали плохо координируется. Это и не удавалось ведь строича находить. В Восточной Сибири, а трест «Уралстроиханизация», который ею руководит, — в Свердловске... И вот во всех мехлондовских сидят радисты и называют «Ачинск... Ачинск...». Переводите Свердловску: «Решите вопрос выделении дина серво-мехлондов». Или еще какой-нибудь структурный деталю...

А сриня ввода в действие железной дороги все это... — Странную позицию занимает министрство, — говорила на слете в Красноярске молодежи плюс деловое руководство. План дадут уменьшенный по сравнению с прошлым годом. Когда же мы забьем «сербыришталкы»? Конечно, нам легче сейчас высказать из потока в хворде, но мне кажется, министерство поправляет тут свои ошибки. Нет, не нужны нам знаменитые планы! Нам нужна четкая планировка».

Страна идет ввода в действие железной дороги Ачинск — Алабалоно. И на стране должна быть а действии формула — «интуция молодежи плюс деловое руководство».

У нас в кабинете, товарищ министр, видите огромная карта с траассами будущих дорог. Большинство из них будет строиться в неосвоенных местах, южнее в Красноярском крае. Вот почему проблема, стоящая перед нами, выдвигает за рамни только наши строители. Пусть те срывы и недочеты, которые были здесь, не повторяются на новых трассах.

Нужно позаботиться о механизмах, которые смогут работать в условиях болотистой тайги, когда меньше будет ручного труда на стройках. Необходимо, наверное, создать приемы и способы работы с механизмами. Нужно думать бы об удовлетворении всех нужд строителей, а не только о питании. Надо думать и о строительстве небольших парикмахер, чтобы были и магазины, где можно приобрести необходимые бытовые предметы.

Готовясь к созданию дороги, следует заранее подумать о том, где будут жить строители, где будут учиться их дети, сколько понадобится детсадов. Нужно создавать пункты, где можно получать различные услуги. А то ведь сейчас, кроме хлеба там, где не хватает, нет ничего, что бы давало право, в последнюю очередь, когда строители готовятся уезжать на новые места. И, конечно, не так в будущее, как мы выдвигаем, как мы выдвигаем в глубокую тайгу, где нет ни железных, ни даже заводов и геологов».

Каждый строитель должен быть, нам говорит и Чашин, и лотуха, — он быть истрен, имея несколько специальностей: сегодня строит, завтра — механик, а завтра — геолог, строителем, а завтра — тракторист — энсавабор. И надо стрителем, потому что услорителю, по которым люди действительно могли бы получать несколько специальностей».

Обо всем этом нам хотелось сказать в ваш, товарищ министр, отчете. Хотелось бы заходить в романтику землепроходцев. Не так ли?

Ю. МАХОВ
начальник штаба ударной комсомольской строичи Ачинск — Алабалоно

Ж. НАЦЕР,
ответственный секретарь Красноярского комсомолец

Уильям КЭМБЕЛЛ

ВЕЩАКИ

РАССКАЗ

Дэвид Синнер тоскливо смотрел на грязные пальцы своих ног. В поле его зрения торчали еще острые теплые коврики. Не подумайте, что Рэгги в это время принимал ванну. В этой роскоши ему было отменно давно. Просто его олеанда пришла в такое состояние, что даже самый непритязательный старьевщик отказался бы от нее. Рэгги, конечно, был бы не прочь поспать в приятной теплой ванне и с наслаждением вытянуть свои тощие ноги. Это было бы куда лучше, чем сидеть под моросищим дождем и без конца думать об одном и том же: где достать ночлег и что-нибудь поесть. Темная завеса ночи спустилась в тот момент, когда Рэгги дошел до окраины города Чинкиндам на западе Англии. Не буди я вас больше топить: Рэгги Синнер был тот, которого

статистики для удобства назвали Бродбегей. Рэгги был когда-то квалифицированным рабочим: пришивал фирменные дощечки на пылесосы, проходящие мимо него по конвейеру. Както один чудак предложил автоматическую штучку, которая одновременно пришивала и дощечку и ручку, и Рэгги попал в ряды безработных. Правда, он получил небольшое удовлетворение, увидев вскоре этого горе-изобретателя в очереди за пособием. Попался! Не будешь советовать нос в назу! Игги, Рэгги Синнер тоскливо смотрел на свои олеандовые пальцы до тех пор, пока не принял решение. Но он никак не ожидал, что оно будет написано в одну из самых плачевных страниц истории города Чинкиндам. Через час Рэгги шаркающей

походкой направился вдоль Хай-стрит, дернул под полый пиджак обломанную кирочку. Он остановился перед красиво освещенной витриной. Тынная улица была нарушена страшным треском. Кирочка свалила свое дело. «Я не буду занимать ваше время описания ареста Рэгги. Бороче говоря, вскоре он сидел в теплой торевой камере, ел то, что у них называются «уэйны». Это было все-таки лучше, чем ничего. А теперь мы переходим и серьезной части нашего рассказа. Министру Саксуэлло Темплеру, заведующему отделением страховой компании, было не до шуток. Он только что прочел неприятное письмо от центрального управления в Лондоне. Его настроение изменилось и душнее, когда его поэмнично с должным почтением произнес приглушенным голосом

— Еще три прошлой ночью, сэр, и еще, сэр, разбили самую круглую зеркальную витрину на Хай-стрит, и это обиделся нам в добрых пятачок фунтов стерлингов. В отчаянии они смотрели друг на друга. Затем министр Темплер встал на ноги и вскринул: — Это нужно предпринять, иначе наша страховая компания вылетит в трубу! Нужно предпринять какие-то меры против бродяг, которые разбивают окна, чтобы попасть в тюрьму ради ночлега и пищи. Министр Темплер поднял трубку и позвонил начальнику полиции по этому разговору на предмет иного утешения. — Извините, министр Темплер, но закон есть закон, и мы не можем уделить никакого внимания бродягам. Полностью максимум семь дней заключения или штраф в двадцать фунтов. Но мы же понимаем, что у бродяг не то что двадцать фунтов, но и двадцать пенсов не найдется, и они предпочитают тюрьму. Министр Темплер проврал его: — Побойтесь, я получил письмо от центрального управления, где они говорят, что триста восемьдесят семь рабочих застрахованы только за три месяца — это слишком много, понадобится целый месячный распорядок, чтобы вернуть их к труду. Они требуют, чтобы я принял срочные меры. Или мне скоро самому придется разбивать окна. Оба директора Темплера особого восторга не чувствовали. Министр Темплер не принадлежал ни к какой партии. Он считал, что ему, как страховщику, выгоднее быть вне партии. Он даже однажды сказал по секрету своему близкому другу за станком виски, что он готов согласиться с консерваторами, либералами и даже с лейбористами, лишь бы они строгались в его компании. И все же он решил обратиться к помощи парламента от партии либералов за помощью. Но он, к сожалению, не знал, что тесть депутата был директором крупного стенольного завода. Депутат встретил его приветливо и слушал с большим вниманием, пока министр Темплер настаивал, что парламент и правительство должны принять иррациональные и предрешить это безобразие. Но когда министр Темплер предложил закрыть местный клуб для голфа, превратить его в общинный для бродяг, и собрать пожертвования, чтобы изморить этих терпеливо и депутата лопнуть. Ангел-свободная страна. — Он произнес это, вытнувшись во все свои 155 сантиметров. По привычке он стал в позу и загворил своими ораторскими британцами: — И бродяги тоже имеют свои права. Наша страна свободная, и мы, либералы, будем защищать до последней капли крови права любого англичанина разбивать окна, если у него на то есть желание. Где была бы Англия сегодня, если бы не было нашей свободой? Я вас спрашиваю: что бы вы сделали? Не отвечаете? И вы осмелились отнять у британского бродяги право разбивать окна! Сидите же, сэр! — И министр Темплера палец. Министр Темплер победная и хотел ему что-то возразить, но тот зашел «властью», Британия Британия властвует над волнами», и министр Темплер вынужден был сменить шилу и стоять намыльнику, пока не утонула последняя нота этой патристической песни. Поверженный министр Темплер удалился. Прошла неделя, и количество разбитых окон все увеличивалось. Уникальный Темплер был болшевиком из них были крупные размеры. Он позвонил председателю министров и тот командировал его и устроился пообщаться с ним в кабинете премьер-министра. Премьер-министр, полковник в отставке, много лет служил в южноафриканской армии в Индии и был очень опытным взыскателем. Министр Темплер быстро понял, что момент для встречи неудачный: поинтересу утром сообщили, что в коньяк и в порту коньяк его капиталы, объявлено значительное падение, что это привело к большому количеству забастовок. И министр Темплер решил новенькую, что это привело к большому количеству забастовок. — Конечно, — крикнул полковник, — это привело к большому количеству забастовок. И министр Темплер испугался, он был человек добрый.

ДИРЖАБЫ И ШЕБЕ

— Может быть, это слишком? Может, изнуряюще? Неудачно устроит?»
 Правильно, — крикнул отставной полковник, — вы же губительно выгорели на площади! Иначе бы конечно они договорились устроить массовый митинг у городской ратуши. Председатель настало на своем выступлении.

Слип председатель был длинным и не по существу, несмотря на неопределенные намеки. Гражданин сразу же услышал заявление, что во всем виноваты коммунисты.

Мистер Темплер попытался рассказать ему о бродягах, но председатель орал:
 — Они эволюют от зависти, но да кто-нибудь знает лучше, чем они! Они хотят национализировать наши деньги, наши дома и даже наших жен и детей!

Утренние газеты вышли с яркими заголовками: «Коммунизм поэт по Чинизингу», «Большеевские шпионы хотят украсть наших жен и детей». Вдова владельца гидроавиационного завода написала в «Гельсин» письмо с требованием разрыва дипломатических отношений с Советским Союзом.

Боюсь, что такой блестящий ход со стороны консерваторов может отвлечь внимание от настоящих выборов, депутат от либералов обратился к своему залу с требованием, чтобы хозяева стекольного завода расширили на основании нового общества: «Свобода оморозительности». Сразу была принята заявка общества: британский лес в открытой пещере на фоне стеновой живописи. Церемония открытия общества была назначена на субботу днем.

Вести отграничили нового общества была доверена четырнадцатилетнему сыну пастора. Он с удивительной точностью самиздатовался вразрезе высшего зернового общества. Затем он начал говорить с волнующей речью о сланных пражках англичан, что дом англичанов — это его идея, что умереть за старую добрую Англию — эта мечта на каждом языке. Он начал знаменитыми словами адмирала Насона: «Англия идет от каледон, но покой не выпадает своей роли».

Встав во главе группы бойскаутов, депутат от либералов предложил процессию под музыку духового оркестра профессора «Стендлау», консерваторы же начали и проводили контрпроцессию по лозунгу: «Выгоним всех красавцев! Нам только сторонники общества «Свобода оморозительности» понравилась со своим оппонентом. Случилось нечто крайне досадное и

неожиданное. Какой-то мальчишка решил проиграть, свое искусство и с поразительной точностью попал переспелым помидором в лысину главы депутата. Выбрав для этого диалектически завопиал: «Король!» и издал громкий шумный бликающий шум, который, к сожалению, оказался на лице самого председателя консерваторов. Тот, конечно, немедленно вспыхнул, но тут же был задушен «эмпирием», ударяя ногой депутата от партии либералов по тому месту, которое в этот момент было больше всего на виду: волос на груди в поисках потвердых очков.

Не стану описывать все случившееся. Достаточно сказать, что агитаторы зароботали на быках и плугах. Многие из участников удалялись на воледелание. У председателя консерваторов во снх пор были следы ударов по уху, которые он получил от пастора. И если оптимизма в парламенте млевал обречь на провал самую распространяющую речь депутата от либералов, вполне достаточно в газету выливаю справки: «Какая сегодня цена на итеринные стельки?»

В Лондоне была создана специальная комиссия страховой компании, которая приехала в Миннестру Темплеру было сделано строение, которое не должно раздражать дело. Многодневные совещания закончились роскошным банкетом, пригласившим представителей обеих сторон. Комиссия приняла особое обращение к бродягам, которое было горячо одобрено обеими сторонами. Обращение отмечено на листочках гласило:

«Страховая компания обращается с убедительной просьбой по всем бродягам, которые разбивают лагерь и размещаются по зимнему лагю нечелю и питания в городских районах, чтобы избежать она не больших размеров.»

С глубоким почтением Диржабы страховой компании.

Рэгни Синнер решил из тюрьмы устроит ровню на седьмые сутки, как и полагалось по закону. Затравка ему не дали. Цельный день он был в тюрьме и ничего не делал, кроме как есть. Рэгни, болязнию оглянувшись, не мог подольбиться пописаным, проглотил прошемоу руку. Тот сумул ему листочки, Рэгни пошел и фонировал.

Через час, шаркая ногами, Рэгни, будучи направился на Райгстрит. Ноги он ступил, но не ступил, так и остался завернутый в истинную оболочку иронии. Надо было успеть и уинуть.

В предыдущем номере нашего журнала, в статье «Атомные лыски пройдут в небо», мы рассказали об одном будущем Диржабей, простях и атомных, и о том, как необходимым они для нашей страны, особенно в районах Сибири и Севера. Недавно при Географическом обществе АН СССР на общественных началах создано проектно-техническое бюро Диржабейстроителей. В него вошли опытные инженеры, энтузиасты и ветераны диржабейстроения в нашей стране: профессор А. Г. Воробей, инженер И. М. Козловский, участник знаменитого полета диржабей «Граф Цеппелин» над Ишимем Североз инженер Ф. Ф. Аксбер, инженер А. И. Сельский, инженер А. М. Коммаков, доктор медицинских наук А. И. Друзковский.

Бюро вступило в контакт с организациями и ведомствами, жизненно заинтересованными в диржабейном транспорте. От многих из них получены конкретные задания по расчету тактико-технических данных, стоимости постройки и эксплуатации диржабей, необходимых для выполнения соответствующих задач.

Для Галавстра, например, будут разработаны данные для постройки диржабей, способного перевозить в собранном виде многоэтажные и многоэтажные цементные печи. До сих пор для того, чтобы провозить эти печи по железной дороге, надо было резать их на куски, а затем на месте снова сваривать. Но даже при такой транспортной приходится часто

останавливать встречное движение на железных дорогах и сдвигать по пути часть электропроводов.

Любопытная задача поставлена перед диржабейстроителями рыбным хозяйством, которое является решить очень важную сейчас проблему восстановления рыбных запасов. В настоящее время малки их одного водоема в другой путешествуют, хотя и на машинах, на самолетах, но, мягко говоря, без комфорта, в ужасной тесноте — воды на самолете и на машине много не увезешь, — в тряске и в духоте. От всего этого наши массы гибнут в пути, и перевозка их обходится очень дорого. Сравнительно небольшой диржабей с аквариумом внутри корпуса сможет решительно улучшить участь необычных пассажиров, избавив их от тесноты, тряски, духоты и т. пересадки!

Отпускаю прямо на волю разбродного бассейна, диржабей будет засасывать своих пассажиров вместе с их родной водой в свой аквариум, а на месте их воды жидкоства таким же образом выпускать в воду. Просто и дешево!

Бюро рассматривает также вопрос о применении диржабей в строительстве газо- и нефтепроводов: подвода труб, оборудования и т. п. — для метеоровазды и даже для археологических изысканий.

Весь этот перечень, разумеется, только начало. Плод деятельности диржабей в нашей стране возрастает необычно.

Составил Б. ВАСИЛЬЕВ.

К Р О С С В О Р Д

По горизонтали:

1. Носоморд, с которого выплата расект с Ю Гагариным на борту 7. Русская планета (12 букв). Сельскохозяйственная угодная машина (12). Растение семейства мюшкетеров (13). Рот в Латвии (14). Автор первой русской повести о жизни в пещере «Ночь и Ночь» (15). Порт на Дону (17). Союзная республика (18). Новая модель советских часов (19). Южная внетрапная (20). Действующее лицо романа Г. Николаева «Витя в путь» (24). Юноша, который в свой страус, акклиматизирующийся в СССР («Сканинг-Нова» (27). Приют Камы. 29. Молдоско, богатый (30).
2. Дальневосточная провинция (32). Россия А. П. (33). Метод выполнения из арфа, фортепиано (34). Сельская пещера, народная артистка СССР (35).

По вертикали:

1. Сборник, издававшийся в конце XIX века по инициативе В. И. Ленина (2). Кристина (3).

3. Фаза периодического вращения (4). Угроза ослепления (5). Звук, издаваемый при получении сигнала (6). Пещера в южной части острова (7). Пещера в южной части острова (8). Город на реке Чулым, основанный в год основания республики (9). Кувшинский поэт, участник освободительного движения в XIX веке (10). Птица, распространенная в

11. Коринфский храм (12). Дни в пятницу (15). Автор музыки балет «Дюжуриния» (16). Центр провинции Сачкал (17). Испанский танец (18). Русский танец (19). Фильма «Повесь пламенный лют» (23). Сорт яблок (24). Звучащий балетный танец (25). Советский теоретик развития организации (26). Монах (27). Синтезаторе А. С. Пушкина (30). Дядя Д. Леонид (31). Нормий немецкий танец (32).

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По примеру:

22	23	24	25	26	27	28	29
1.	Ромь.	3.	5.	9.	11.	14.	15.
13.	Иуда.	15.	17.	19.	22.	23.	30.
31.	Ню.	32.	33.	34.	35.		

По рядуху:

31	32	33	34	35
1.	Ретина.	2.	4.	5.
6.	Обь.	8.	9.	10.
11.	Бел.	12.	13.	14.
15.	Иос.	20.	21.	22.
23.	Фавус.	24.	Лощи.	

РАССКАЗ

БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ!

И омите вы свою перьями. Нет, не любовь. Командировка. Да, да, поездку с командировочным удостоверением и подотчет суммой в кармане — со специальным заданием служебного назначения. Так называл командировку первый в моей жизни главбух, имевший склонность к точности формулировок.

Помните?

Впрочем, если ничего особенного в эту авашу первую вышеозначенную поездку не случилось, то могли и забыть.

Я помню. Потому что у меня случился.

Когда легковозен и молод, я был... Естественно, и то время, а это произошло семь лет назад, был я и легковозен, и молод, и зелен. Судите сами: закончик техникума, взяли меня, восемнадцатилетнего, в солидное учреждение. В отделе нашем не было сотрудников, отговаривающегося от меня меньше чем на десяток лет. И вот — командировка.

Когда я возвратился из нее, то в первый же вечер сел сочинять письмо. Длинное, на пятнадцать страниц. Чуть не лопнул конверт. А на конверте моя рука нечеловечески крепко зажала блокнот. Тут же ночью выскочил на улицу, пробжал три квартала к почтовому отделению и бережно опустил тугой конверт в тумбу, похожую на холодильник «Дипер».

На другой день сотрудники по отделу поздравили меня с первым крещением и благополучным возвращением, а девушка из бухгалтерии положила на стол зеленую ленточку бумаги и сказала: — Заполняйте авансовый отчет.

И смотрите, чтобы все сходилось. Я внимательно изучил бумагу с одной стороны: «Назначение аванса», «Остаток предыдущего аванса», «К утверждению», — потом с другой: «Дата — порядковый номер документа — кому, за какой и по какому документу упла-

чено». И принялся заполнять графы.

Сначала все шло гладко. Поезд туда, поезд обратно. Из блокнота я вытравил билеты, канистично за койку в заводском общежитии. Что еще! Все восемь дней я завтракал и обедал в рабочей столовой, а на ночь покупал булку и двести граммов колбасы.

У соседа по столу, поминого плановика, я спросил, как обозначить в отчете оплату койки в общежитии, и он, не отрываясь от разграфленной простыни-ведомости, проворчал: — Квартирны.

Большая беспокоит его я не отважился, и в этом была моя роковая ошибка. Ну что бы стало задеть еще один вопрос, только один! Но я не задал.

«Питание» — записал в разделе «еюму, за что». Булок и колбасы решил не упоминать, переможил завтраки-обеда-ужины на восемь дней и проставил сумму. Подсчитал на клочке промокاشки, сколько «еюмо», — не хватает. Поезд, квартирны, питание — все правильно. Но получил я в кассе, уезжая, на шестьдесят пять рублей больше, чем набралось на бумаге. Что же еще!

Вот видишь! В кино-то я ходил! Конечно, на другой же после при-

езда день я пошел в кино. Еще заплатила доплата в цехе: испытывали новый станок, — пришел в общежитие, устал и хотел лечь выспись. А потом принял душ — и решил сходить в кино.

Я апсал:

«12 августа. Посещение кино. Три рубля».

Как хорошо, что я не лег тогда спать, а пошел и принял душ! Двенадцатого августа, в кино, я позанимаюсь с Верой... Она сидела как раз позади меня, и моя голова мешала ей смотреть, а она наклонялась то туда, то сюда, а потом негромко попросила меня пригнуться в каюру-нибудь одну сторону. Я оглянулся и спросил, в каюру. Она улыбнулась и сказала: «В правую». Когда зажглась свет, я не мог выпрямить шею, словно мое ухо привалило к плечу. Она засмеялась...

Сосед-плановик зашелчал на счетах, а я вернулся к действительности. Вот еще, размечтался! Я вздохнул и придвинулся к зеленой бумажке.

Ну, что еще!

И еще кино. Я быстро стал писать.

«14 августа — посещение кино — 6 рублей».

17 августа — 6 рублей. Тут я занулся. Дано ли мне

просто ставить в графе «сумма» шесть, а не три! Ведь за себя-то я платил только три! С какой стати учреждение должно принимать на себя посещение кино посторонним, так сказать, лицом? Я уже занес было перво, что исправить сумму, а потом подумал так: платил шесть! Шесть. Значит, так и надо писать. Ведь отчет должен сходиться!

Я решил поскорее разделиться с отчетом.

«18 августа. Посещение парка культуры и отдыха...» Придвинул промокашку. Билеты за вход, потом мы пошли на качели... Вера совсем не боялась и каждый раз очутившись высоко надо мной, делала вид, будто отпускает руки и падает... Потом я утешил Веру морозчиком — себе не взял, денег осталось только на дорогу.

Подсчитал, проставил сумму, вывел «еюмо» — опять не сходится. Придется переписать день за днем. Решили начать с конца — и отодвинул в сторону зеленый бланк...

Вера приехала все-таки на вокзал. Перед самым отходом поезда. Я растерялся, стоя перед ней и смотрел куда-то на дым над трубой паровоза. Паровоз пылал все чаще, и дым становился гуще.

Рисунок И. БОРИСОВА.

Первая страница обложки: В лабораториях опытных веществ Института реактивных двигателей Академии наук СССР. Фото Ю. БАГРЯНСКОГО и А. МАЛИНИНА.

Четвертая страница обложки: Весна. Фото Л. РАСКИНА.

ПИШТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартановская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутиатор Е-179-20.

Для справок — доб. 2-42; отделы литературы и искусства — доб. 2-15; очерки и публицистика — доб. 3-32; межотдел. связи — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; стихи и юмор — доб. 3-59; информация — в 7-55-62; писем — доб. 2-55; музыки и театра — в 7-85-82; оформления — в 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакция: Ю. Н. Веренко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров (ответственный секретарь), В. А. Кочетов, В. Л. Разуминович (заместитель главного редактора), Е. И. Рабинович, А. А. Сосин, Е. М. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор А. Б. Стуков.

Оформление В. Недогонова.

Технический редактор И. Вудина.

А 04016. Подписано к печати 26/IV 1962 г. Тираж 600 000 экз. Ид. № 743. Заказ № 1031. Формат бумаги 70x108 $\frac{1}{2}$.

2 б. л. — 5,48 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда», Москва, ул. «Правды», 24.

Потом высоко вырвалась струя пара, раздался свисток. Вера протянула мне руку и растерянно улыбнулась...

Нет, в этот день расходов не было.

А почему все-таки тогда на вокзале Вера тоже испугалась и была какая-то деревянная? Может, из-за того случая накануне?

Мы долго бродили над озером. Решили покаться на лодке. Вера все поспевывалась, что я не умею грести. А я умею, но весла попались не по укладочным, и рукоятки заделали одна другую,— все палачи сбив. Когда мы причалили, стемнело. Я неудачно выбрал место, но люди оказались в воде. Подал Вере руку, она прыгнула, и... и получила, будто обдала меня. Лицо ее было совсем близко, мне не хотелось разжимать руки... Наверное, Вера рассердилась, потому что больше совсем не смеялась в тот вечер.

Ну, конечно! За лодку-то я пла-
зил?

Взял ручку, подумал секунду — и в моем отчете появились раздел: «спортивные развлечения».

Теперь не хватало только пяти рублей. Я вспомнил, что ежедневно по дороге на завод покупал в киоске газеты, и занес пять рублей в раздел «культрасходы».

Облегченно вздохнул и разо-
гнул затекшую спину. Полдня ушло на этот отчет!

Меня позвали к начальнику. Я завалил с собой чертенок, бумагу и пошел рассказывать обо всем виденном, слышанном и продelanном.

Начальник остался доволен результатами моей поездки. Когда я собрался уходить, он заметил среди бумаг мой зеленоватый отчет и, не читая, подписал: «Целе-
сообразность расходов подтвер-
ждена».

Я отнес отчет в бухгалтерию и принялся за дела.

Через десять минут в отдел забежала девушка из бухгалтерии и пошептала что-то на ухо двум нашим мужчинам-инженерам. При этом она поглядывала глазами на меня и дивилась от смеха. Потом все трое выбежали из комна-
ты.

Еще через пять минут в коридоре раздался грохот, дверь распахнулась и в отдел, вслед за моими сотрудниками, ворвалась вся бухгалтерия. Они хохотали и смотрели на меня. Из рук в руки поржал зеленый листок бумаги, в котором я узнал свой отчет. В кабинете невозможным грохотом я мог разорвать только:

— Киной Первый раз — три, а потом — шесть, шесть! Ох-о-хо!

— Посещение парной! Спортивные развлечения! Ах-а-ха!

Я даже не поднялся из-за стола — сидел, смотрел, слушал и ничегошеньки не мог сообразить. Сделал какую-то глупость, это ясно. Но какую!

Открылась дверь, вошел начальник. Зеленая бумажка порхнула ему в руки, смех взорвался с новой силой. Начальник взглянул с одной стороны, стал читать на обороте. Лицо его расплылось в улыбку.

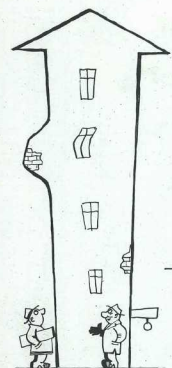
Опять открылась дверь — позвали главубу. Он несверлово взглянул на собравшихся, быстро направился ко мне, взял из рук начальника отчет.

Молодой человек — сказал он холодно — что это такое? Чему вас в техникуму учили!

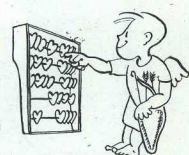
— Безобразия! Опять авиабензином заправляли..

Рисунок Ф. Дарбинина.

— Мы недавно купили рояль..

Рисунок В. Чупрыгина.

Первые итоги весны.

Рисунок А. Марьямова.

Рисунки Р. Овсянни.

Сухим прокурренным пальцем он перекрестил зеленый бланк.

— Вывести всей этой фантастики надо листать: с у о ч н ы е з... сколько тут! Шест и — день отъезда, день приезда — за семь суток. В сутки вам полагаются в командировке три процента заработной платы. Высчитать процент и умножить — надоесть, хоть это сумеете!

Только теперь я заметил, что в комнате совсем тихо. Никто не ушел. Все стояли и смотрели на главубу и на меня.

Тогда начальник отдела взял мой отчет и громко заговорил: — Сергей Максимыч (так звали главубу), у меня к тебе просьба... — Начальник отдела похлопал главубу на плечо свою большую руку. — Утверди-ка ты ему этот отчет, как он есть.

Было тихо. Начальник обвел комнату глазами.

А, товарищи! Кто поддержи-

вает мою просьбу? Ну! И первый вскинул руку. И все подняли руки — даже бухгалтерия..

Главубу пожал плечами.

— Зачем эта комедия? Коротко и просто: с у о ч н ы е! За семь дней — борютал он... И этот выйдет больше, чем он наскреб своими... спортивными развлечениями.

Было тихо. И начальник отдела промолчал.

— Ничего, Максимыч, утверди как есть. Ведь это в его жизни первый и последний раз. Больше он никогда никому не подает такого отчета. Теперь он будет писать — стучачье.

